

Мэттью Хаффи Меч дьявола

*Посвящается
Майте, Элоре и Айоне*

Названия географических объектов

Названия одних и тех же географических объектов в Британии эпохи раннего Средневековья могли быть разными в зависимости от исторического периода, языка, диалекта и того конкретного человека, который о них писал. Я не стремился следовать каким-то строгим правилам при выборе варианта названия того или иного географического объекта. В большинстве случаев я выбирал тот, который, по моему мнению, был наиболее похожим на то, как этот объект называли в начале седьмого века, однако — как и писцы, жившие в те далекие времена, — я иногда позволял себе предпочесть вариант, который понравился мне больше всего.

АЛЬБИОН
633 год н.э.

Альбион — Великобритания.

Бebbанбург — Бамборо.

Берниция — северное королевство Нортумбрии, простиравшееся приблизительно от реки Тайн до залива Ферт-оф-Форт.

Гвинед — Гуинет, Северный Уэльс.

Гефрин — Иверинг.

Дал Риادا — гаэльское королевство, охватывавшее приблизительно территорию современных областей Аргайл-энд-Бьют и Лохабер в Шотландии, а также графства Антрим в Северной Ирландии.

Дейра — южное королевство Нортумбрии, простиравшееся приблизительно от эстуария реки Хамбер до реки Тайн.

Кантваре — Кент.

Кантваребург — Кентербери.

Нортумбрия — современные Йоркшир, Нортумберленд и юго-восточная Шотландия.

Франкия — Франция.

Хиберния — Ирландия.

Хии — Айона.

Хите — Хит, Кент.

Элмет — бриттское королевство, территория которого была приблизительно равна территории области Вест-Райдинг-оф-Йоркшир.

Энгельминстер — вымышленное место в Дейре.

Эофервик — Йорк.

Пролог

Anno Domini Nostri Iesu Christi
633

633 год от Рождества
Христова

*Infaustus ille annus et omnibus
bonis exosus usque hodie permanet*

**Historia ecclesiastica gentis
Anglorum — Beda Venerabilis**

*По сей день все добрые люди
проклоняют тот злосчастный
год...*

Беда **Достопочтенный.**
Церковная **история** **народа**
англов¹

Этот мужчина стоял в тени, готовясь к убийству. Он кутался в плащ, разминая мускулы, занемевшие от долгого бездействия. Было холодно, и при выдохе у него изо рта поднимался парок в ночной осенний воздух. Мужчина чувствовал себя очень неудобно, но собирался терпеливо ждать.

¹ Название произведения Беды Достопочтенного и цитаты из него приведены в переводе В. В. Эрлихмана. (Здесь и далее примеч. пер.)

Решение ведь им уже принято.

У него и раньше возникали подозрения, а теперь он уже точно знал правду. Он пришел сюда буквально за ними по пятам и видел, как они зашли внутрь вместе.

Из конюшни донеслись тихие звуки женского смеха. Челюсти мужчины сжались. Его ладонь сильно сдавила рукоять сакса², изготовленную из оленьего рога. Ощущение того, что у него в руке сакс, придало уверенности в себе. Однако он не воспользуется саксом сегодня вечером. Нет, не воспользуется. Схватки не будет. Не будет звона металла. Не будет боевой славы.

Не будет ничего такого, о чем могли бы спеть барды.

О подвигах воинов барды рассказывают при мерцающем свете очага, растопленного в зале, в котором распивают за столами медовуху. Здесь же нет никакого света. Это будет убийство, которое никто не увидит. Убийство, совершенное в темноте.

Что он должен сделать — это ему было понятно. Но никто другой не должен узнать о том, что произойдет здесь этой ночью. Ему самому придется расстаться с жизнью, если о совершенном поступке вдруг станет известно.

² Сакс — *зд.*: длинный нож, используемый в вооруженных столкновениях в качестве короткого меча.

Где-то далеко, в стороне от побережья, к западу от этой крепости, залаяла собака, а затем снова стало тихо. С восточной стороны до него доносился приглушенный шум волн, бьющихся о скалы далеко внизу.

Возле крепостной стены — чуть поодаль — вырисовывался силуэт стражника.

На луну набежало облако. Всевидящее око Вотана³ — отца всех богов — закрылось. В такую ночь боги спали, и поступки того или иного человека могли подчинить его вирд⁴ его собственной воле. Великий человек мог захватить то, что по праву принадлежало ему. Мать как-то раз сказала, что он станет тем, кто свергает королей с престола и заставляет содрогнуться целые страны. Закон для великих людей — не указ.

Потешив себя этой мыслью, мужчина снова сосредоточил внимание на том, что собирался сейчас сделать.

Задрожав, он стал мысленно убеждать себя, что это от холода. Но отступил поглубже в тень.

Изнутри здания теперь доносились ритмичное

³ Вотан (он же Один) — верховный бог в германской и скандинавской мифологии.

⁴ Вирд — рок, судьба в староанглийской и староскандинавской мифологии.

дыхание и стоны совокупляющейся парочки. В этих гортанных звуках он узнал голос Эльды.

Как она может быть такой переменчивой? Он ведь предложил ей все, что только мог. О Вотан, он сделал бы ее своей женой! Подумать только — она с презрением отвергла его и затем раздвинула ноги перед тем юным выскочкой. Гнев, вызванный ее отказом, забурлил внутри него, словно желчь.

Он задумался о том мужчине, с которым Эльда совокуплялась сейчас в конюшне. Этого выскочку звали Окта. У Окты имелось все, чего только может пожелать воин. У него был повелитель, благоволивший ему, о чем свидетельствовали серебряные запястья, подаренные королем. Окта владел землями и драгоценностями. А еще, конечно же, у него был меч. Меч, который не должен был ему принадлежать. Этот меч носил имя Хрунтинг и был подарком их повелителя — короля Эдвина. Король пожаловал его человеку, который, по мнению Эдвина, спас ему жизнь на поле битвы. Однако в действительности он дал меч совсем не тому воину. Во время боя начался хаос, стена из щитов была пробита, и короля окружили враги. Уже, казалось, пришел конец, но тут один из воинов короля — один из его танов⁵ — быстро собрал вокруг себя

⁵ Таны — слой военно-служилой знати в период

других бойцов, повел их в атаку и изменил весь ход битвы.

После этого Эдвин отдал меч Хрунтинг Окте. Это был меч, достойный короля. Его клинок был выкован из соединенных друг с другом железных полос. Покрытый узорами металл переливался так, как переливается покрытая рябью поверхность воды — или же как скользкая кожа змеи. Рукоятка была украшена костяными пластинками с замысловатой резьбой. У всех, кто видел это замечательное оружие, невольно возникало желание завладеть им.

Однако мужчина, который ожидал в тени, знал, что этот меч на самом деле должен был принадлежать ему, ибо именно он сразил предводителя врагов, именно он повел людей в атаку, которая принесла победу.

Он, которому было предначертано судьбой стать великим.

Он не поверил своим глазам, когда увидел, что этот сказочный меч отдают его сопернику. Короля как будто бы заколдовали. С того момента, как Окта появился здесь, в Берниции, король почему-то проявлял к нему исключительную

существования англосаксонских королевств в Британии. За свою службу таны обеспечивались королем земельными владениями.

благосклонность.

Гнев к Эльде, который испытывал мужчина, таящийся сейчас в тени, не шел ни в какое сравнение с яростью, охватывавшей его из-за того, что соперник занял такое высокое положение.

Он нащупал пальцами амулет в виде молота Тунора⁶, который висел у него на шее на кожаном ремешке. Тот жрец доброго нового Бога — Иисуса Христа — призывал людей прощать врагов своих. А вот старые боги такого не одобряли. Они считали, что нужно мстить. Мстить быстро и беспощадно. И эти старые боги скоро получают свою дань в виде крови.

Дверь конюшни медленно отворилась, и показался объект его ненависти. Наблюдая за ним, мужчина затаил дыхание. Лунный свет падал на золотые волосы Окты, заставляя их переливаться, словно отполированное железо. Окта был широкоплечим и высоким, и двигался он легко и красиво. Он чем-то напоминал героя из народных легенд. Мужчину, прячущегося в тени, охватили ненависть и ревность.

Светловолосый гигант шел сейчас между двумя амбарами — то есть там, где было очень темно. Вслед за ним заскользила темная фигура

⁶ Тунор (он же Тор) — бог грома и бури в германской и скандинавской мифологии.

мужчины, прятавшегося в тени. Он был одет только в рубаху, штаны и плащ — одежду, которая во время ходьбы не издает лишних звуков. Его рука сжимала крепкую дубовую палицу.

Он шел украдкой позади Окты. Их сейчас невозможно было увидеть ни с крепостной стены, ни с открытого пространства между зданиями. Он замахнулся палицей и проворно преодолел расстояние в несколько шагов, которое отделяло его от жертвы. Окта, инстинктивно почувствовав нависшую над ним опасность, остановился и обернулся.

Однако ощущение опасности возникло у него слишком поздно. Ему здесь вообще-то нечего было бояться: он находился за толстыми стенами крепости. Прикосновения к телу Эльды были свежи в памяти и на коже, и он все еще ощущал истому от полученного только что удовольствия.

Именно поэтому Окта обернулся слишком поздно. Он едва успел заметить темную фигуру, бросившуюся к нему из ночного мрака, как на его висок обрушился сокрушительный удар палицей. Он, слегка вскинув руки и отшатнувшись назад, попытался было нащупать ладонью меч Хрунтинг и вытащить его из ножен, но пальцы ему уже не повиновались. Темная фигура снова бросилась к нему и нанесла еще один сильный удар палицей по голове. Окта доблестно пытался защищаться, но его

взор и сознание затуманились, и он никак не мог понять, что происходит. На него напали, но тело отказывалось ему подчиняться. Перед его мысленным взором сверкнула какая-то вспышка, когда на его череп обрушился еще один чудовищный удар. Окта застонал и опустился на одно колено.

Затем он попытался подняться, чтобы дать отпор своему врагу, стоя на ногах, однако на его лицо и плечи стали обрушиваться один за другим удары, а потому он в конце концов рухнул наземь, будучи уже не в силах хоть как-то обороняться.

Вскоре он и вовсе замер, лежа на земле. Его лицо теперь представляло собой темное кровавое месиво. Мужчина, напавший на него, запыхавшись от резких движений, дышал широко раскрытым ртом и прислушивался. Если кто-нибудь уловил звуки этой схватки, то его ждет неминуемая смерть. Он подождал, пока дыхание не восстановится. Никто сюда, к нему, не бежал. Тревогу тоже никто не поднял.

Он быстро вытащил меч Хрунтинг из покрытых шерстяной тканью ножен. Клинок хищно поблескивал в тусклом свете звезд и луны. Мужчина в течение нескольких секунд покрутил меч в руках, удивляясь его сбалансированности и наслаждаясь его тяжестью. Это и в самом деле была удивительная вещь. Великое оружие для великого

человека. Ему хотелось подольше полюбоваться клинком, однако ему следовало торопиться. У него потом еще будет время на то, чтобы насмотреться на этот меч. Он стал искать, где бы его спрятать посреди куч мусора и сорняков, растущих у основания одного из зданий.

Спрятав меч получше, он взглянул на валяющееся на земле тело своего соперника. Окта был высоким и мускулистым, а значит, тяжелым мужчиной, но таким же телосложением обладал и он сам. Хотя это будет нелегко, но он сможет поднять с земли Окту. Он наклонился и взял свою жертву за руку. Ему показалось, что пальцы жертвы слегка пошевелились, и он невольно содрогнулся, но тут же сказал себе, что этот человек уже испустил дух. Мужчина присел и, прилагая всю свою недюжинную силу и вес собственного тела, взвалил тело Окты на плечо. Затем поднялся на ноги. О боги, какой же этот сукин сын тяжелый!

Он заранее продумал маршрут, по которому сейчас отправится. Можно было пройти вдоль всей южной части восточной крепостной стены и остаться при этом незамеченным. Если, конечно, вещи сестры-богини, которые прядут нити судьбы, отнесутся к нему благосклонно.

Он двинулся осторожным, но поспешным шагом между конюшнями и амбарами, а затем миновал кухни и помещение, в котором обычно

распивали медовуху и эль и возле которого в воздухе все время витал запах варящегося пива. Его путь пролегал далеко от стражников и горящих факелов, но стоит кому-то, кто выпивал сегодня вечером, выйти из какого-нибудь здания по малой нужде — и всему конец.

Дойдя до основания лестницы, ведущей на крепостную стену, он бросил взгляд вдоль стены и увидел в дальнем конце стражника. Тот наклонился над жаровней, яркий свет которой почти лишал его возможности разглядеть что-либо в окружающей темноте. Убийца Окты ухватился за перекладину лестницы и стал шаг за шагом взбираться по ней вверх. Это было нелегко. Несмотря на ночную прохладу, он обливался потом, а его спина и руки ныли от напряжения, вызванного тем, что он нес столь тяжелый груз. Мужчина чувствовал, что его силы тают. Ему было необходимо побыстрее забраться на стену, а иначе он очень скоро не выдержит и выпустит тело Окты. При этой мысли его губы растянулись в мрачной улыбке.

Он наконец-то добрался до платформы частокола. По другую сторону стены волны с шумом ударялись о скалы. Куски белой пены светились в темноте, словно призраки. Торопясь побыстрее избавиться от тяжелой ноши, являющейся доказательством совершенного им преступления, и потому не останавливаясь даже на

мгновение, он сбросил тело через край стены в море. Тут же посмотрев вниз, он увидел, как падает тело Окты — темный силуэт на фоне пенящихся волн. Затем он прислонился к стене и стал делать глубокие вдохи. Его сердце начало биться уже спокойнее, а пот стал холодным. Стражник у дальнего конца стены все еще стоял, наклонившись над небольшим пламенем жаровни.

Утром тело будет обнаружено, если, конечно, море не увлечет его в свою темную глубину. Люди станут задаваться вопросом, зачем воин, у которого имелось все, о чем он мог мечтать, вдруг покончил с собой подобным образом — то есть, насколько можно судить, бросился со стены, чтобы разбиться насмерть.

Облака расступились, и луна снова осветила своими лучами крепость. Вотан опять обратил взор вниз, на землю. Может, он искал Окту? Или Окта уже находится во дворце отца всех богов, и те его чествуют и одаривают своей благосклонностью так, как это делал король Эдвин? Убийца Окты содрогнулся. Это была ночь, в которую он взял в свои руки собственный вирд, но ему не хотелось, чтобы его осудили боги. Он отвернул лицо в сторону от луны.

Эдвину следовало бы тогда разобраться, кто из его соратников самый доблестный. А он вместо этого решил возвысить Окту. Слепота приведет к

его падению. Началась череда событий, которые его уничтожат. Эдвин будет свергнут с престола, и его королевство развалится.

Убийца улыбнулся в темноту. Прежде чем он воплотит в жизнь предсказание своей матери, ему нужно сделать еще кое-что. Он спустился по лестнице и пошел обратно к конюшне.

Он надеялся, что Эльда все еще находится там. Она вскоре пожалеет о своем предательстве.

Часть первая. Ковка

1

Беобранд вытер пот со лба. Тащить длинное судно на песчаный берег — работа утомительная. Он чувствовал слабость в ногах, а в животе тошноту. Его телу теперь не хватало постоянного движения моря под килем. А еще — неутомимого биения волн, которое было совсем незнакомым ему всего лишь несколько дней назад. Он поднял взгляд на крепость, виднеющуюся вверху, на скале. Это была мощная крепость Бибанбург, резиденция правящей семьи королевства Берниция.

В сером небе летали кайры и чайки, борясь с сильным ветром. Их силуэты хорошо просматривались на фоне нависших над морем грозовых туч, предвещающих дальнейшее ухудшение погоды.

— У тебя будет еще много времени на то, чтобы глазеть по сторонам, парень, но только после того, как мы разместим судно в безопасном месте под тем склоном. — Голос Хротгара был сиплым: он охрип из-за того, что то и дело покрикивал на свой экипаж. — А пока что давай, тяни вместе со всеми!

Беобранд снова наклонился к судну и взялся за работу. Им оставалось протащить судно еще

совсем немного до того, как оно окажется в одном ряду с двумя другими, которые уже находились на берегу, за пределами линии наивысшего прилива.

Взглянув на ближайшее из двух судов, он понял, что оно принадлежит Свидхельму. Беобранд видел это судно уже два раза, и ему запомнились плавные очертания носа и украшающая его резная фигура в виде змеи. Свидхельм, должно быть, не попал в тот шторм, в который угодили они день назад, раз уж ему удалось прибыть сюда раньше. Хротгар не раз говорил, что Свидхельм — не просто моряк, а моряк удачливый. Моряк, которому покровительствуют боги. Это была весьма лестная похвала со стороны такого злоязычного человека, как Хротгар.

Второе из двух судов было Беобранду незнакомо. Он вообще-то мало что знал о кораблях, но вот этот явно превышал своими размерами те, которые ему уже доводилось видеть. Он был почти на треть длиннее двух других, находящихся сейчас на берегу. Беобранд задумался о том, каким же могущественным должен быть владелец подобного корабля. Может, он принадлежит правителю этого северного королевства? Сколько воинов у него в дружине? На носу высилась резная фигура в виде какого-то странного зверя с длинным языком, торчащим из клыкастого рта. Зверь этот был выкрашен в красный цвет — цвет свежей крови.

— Ну хорошо, ребяташки! — крикнул Хротгар. — Уже достаточно далеко от воды!

Раздался одобрительный шепот усталых мужчин. Закончив работу, они принялись потягиваться, чтобы размять утомленные мышцы.

Беобранд очень устал после долгой гребли, а его ладони истерлись до крови, пока он хватался за грубые веревки. Он вообще-то не был моряком, и ему поначалу пришлось нелегко. Хротгар и мужчины постарше сразу же стали его высмеивать. Однако он был от природы сообразительным, схватывал все на лету и отличался трудолюбием. В качестве платы за то, что его привезут сюда по морю, он мог предложить только свою физическую силу. Он подозревал, что Хротгару вовсе не нужна еще одна пара рабочих рук на судне, однако всем было известно, что с ним, Беобрандом, произошло, а потому этот угрюмый капитан все-таки взял его на борт. По всей видимости, из жалости.

Беобранду за последние несколько недель часто приходилось видеть сострадание на лицах окружающих. Хотя чума не обошла стороной множество домов, мало кто пострадал от этой болезни так, как его родня. Первой жертвой стала Эдита. Она буквально за одну ночь превратилась из бойкой хохотушки в мертвенно-бледное дрожащее существо, похожее на призрак. Смерть подступила к ней очень быстро — словно внезапная темнота,

сгущающаяся перед бурей. А затем...

— Давайте займемся разгрузкой! Или вам охота все еще торчать здесь, когда начнется дождь? — прорычал Хротгар.

Беобранд и некоторые молодые гребцы застонали, но более закаленные моряки тут же начали сгружать с судна на песок тюки и бочки, чтобы затем занести их по крутой лестнице в крепость.

Какое-то время спустя они наконец подняли на вершину скалы последний из тюков, привезенных сюда на судне. Небо потемнело, и начался дождь. Холодный осенний ветер раздувал полы их плащей и швырял капли дождя в их лица. Беобранд проследовал за всеми остальными через проход под аркой, к которому вели высеченные в склоне скалы ступеньки, и оказался на внутреннем дворе, окруженном большими зданиями. По ту сторону двора виднелась открытая дверь в большой зал, через которую наружу падал манящий свет очага. Ветер ненадолго стих, и до вновь прибывших донеслись гул голосов и смех.

Высокий и худой мужчина с длинными усами показал Беобранду на одно из зданий.

— Пойдем, — сказал он. — Оставь этот мешок вон там, справа, рядом с другими.

Эти слова мужчина произнес нетерпеливым тоном: ему, видимо, очень хотелось вернуться в

теплое помещение и выпить там медовухи. Он поплотнее закутался в плащ из тонкой шерстяной ткани и посмотрел, не идет ли кто-то еще на внутренний двор через проход под аркой.

— Ты последний? — спросил он у Беобранда.

Его произношение показалось Беобранду каким-то странным, но тем не менее тот без труда понимал смысл его фраз.

— Да. Те, кто еще внизу, остались охранять корабли.

Беобранд зашел в кладовую и поискал глазами мешки, о которых ему только что сказал мужчина с длинными усами. В полумраке было видно, что это большое помещение заполнено съестными припасами.

* * *

После того как он вышел наружу, мужчина с длинными усами закрыл дверь, а затем двинулся в сторону зала. Беобранд последовал за ним.

Как только он вступил в это помещение с закопченными стенами, шум разговоров стих. Беобранду на мгновение показалось, что он привлек всеобщее внимание. Он ведь был тут чужаком. Ну да, взоры всех присутствующих обратились на него. Похоже, его появление по какой-то причине заставило всех замолчать. Однако затем он заметил,

что все сидящие за столами мужчины и женщины, скользнув по нему взглядом, стали смотреть уже не на него, а на какого-то высокого мужчину, стоящего в почетной части зала. По его манере держать себя можно было догадаться, что он привык повелевать. В правой руке он держал искусно выкованный меч. Его длинные каштановые усы были словно усыпаны сединой, как будто на них кое-где осела морская соль после долгого путешествия по морю. Его лысая голова блестела в свете, исходящем от яркого пламени очага.

— Мне стало известно, что Пенда, король Мерсии, — да раздробит Бог его кости, — заключил союз с Кадваллоном, королем Гвинеда, как мы того и опасались. В данный момент они встали лагерем со своими дружинами в земле Элмет. — Его слова звучали в этом помещении очень четко. — Их союз необходимо разорвать. Пенда зашел слишком далеко, если полагает, что может вторгаться в земли Эдвина, сына Эллы. Через два дня мы выступим на юг. Я отправил конных гонцов, чтобы они созвали ополчение. Мужчины этой страны исполнят свой долг и возьмутся вместе со мной за оружие. Наша общая ярость обрушится на врагов в поле — ибо именно там нам следует с ними встретиться. Я больше не буду вести переговоров, с меня хватит. Пенда — негодяй. И поэтому его нужно убить. Он осквернил

мою землю и поднял оружие на моих подданных. Смотрите, я вытащил из ножен свой меч... — он поднял искусно выкованный меч над головой, и клинок с узором в виде волн засверкал в отблесках пламени очага, — и не вложу его обратно в ножны до тех пор, пока его жажда не будет утолена кровью наших врагов!

Выкрикнув последние слова, он повернул меч острием вниз и воткнул его в дубовую столешницу прямо перед собой. От этого удара стоявшая на столе деревянная чаша опрокинулась и упала на пол, выплескивая эль.

Никто не услышал, как чаша стукнулась о пол, ибо еще до того, как последние звуки голоса Эдвина стихли, собравшиеся в помещении таны дружно зашумели в знак поддержки короля. Они встали и, выпив залпом содержимое кружек и рогов, стали выкрикивать фразы, восхваляющие короля, и обрушивать брань на врагов.

Произнесенная речь и поднявшийся в зале громкий шум произвели на Беобранда сильное впечатление. Так вот как должен выступать настоящий король! Беобранд вдруг почувствовал, что ему может прийти по душе эта крепость и этот владыка. Как они пришлись по душе его брату Окте. Беобранд оглядел людей, сидевших за столами, пытаясь заметить знакомые светлые волосы Окты. Окта вступил в дружину короля

Эдвина три года назад. Судя по тем скудным известиям, которые дошли до Беобранда в его родном Хите, что в Кантваре, Окта добился на службе у нового господина больших успехов.

Беобранд, однако, не смог найти Окту среди воинов, собравшихся в этом зале. Окта, наверное, сейчас несет караульную службу или же и вовсе хозяйничает в собственных землях, если король счел нужным пожаловать ему такое богатство. Ну что же, Окта может и подождать. Сегодняшний день был для Беобранда тяжелым и утомительным, а запах мяса кабана, жарящегося на вертеле над очагом, напомнил ему о том, как давно он ел в последний раз.

Этот зал был больше, чем зал его господина Фолки в Хите, однако его внутреннее убранство — со скамьями и столешницами на козлах, расставленными почти по всему залу, и очагом в центре — казалось Беобранду знакомым. Он не часто бывал в зале своего господина, но здешняя атмосфера напомнила ему о празднике Тримилхи, когда всех свободных людей приглашали насладиться дарами земли. В подобных случаях напитки лились рекой, и столы ломились от угощений. Однако на пирах в зале Фолки присутствовало куда меньше танов. Да и их мечи были выкованы не так искусно. Беобранд бросил взгляд на меч, воткнутый в древесину высокого

стола и все еще подрагивающий. Они с Октой всегда мечтали иметь подобный меч. Возможно, Окта уже осуществил эту мечту, раз уж ему удалось стать таном.

Беобранд искал взглядом, не найдется ли ему место на одной из скамеек. Все другие, кто прибыл сюда вместе с ним на судне, успели пристроиться за тем или иным столом, и им уже подавали медовуху, эль и еду. Высокий мужчина, заводивший Беобранда в кладовую, уселся неподалеку от короля. Беобранда же оставили стоять в дверном проеме, и он почувствовал себя неловко. Настроение у пирующих теперь было приподнятым. Люди принялись наедаться до отвала и пить за свои подвиги — и уже совершенные, и будущие. Скоро они отправятся на войну, а война — это то, в чем заключался смысл жизни всех этих воинов.

Беобранд им завидовал.

Сколько он себя помнил, он всегда хотел стать воином. Брат отца Селуин сражался в королевской дружине. Он участвовал во многих походах, пока был молодым, а затем вернулся в Хите и стал забивать своим племянникам головы рассказами о битвах и опасных приключениях. Окта потому и решил искать такую же судьбу, которая — как ему казалось — должна была стать *его* судьбой: он пошел по стопам своего дяди, чтобы прославиться,

служа какому-нибудь великому человеку.

Беобранда он с собой не взял. Беобранд был тогда еще слишком юным для того, чтобы отправиться в путь вместе с Октой, а потому остался дома, чтобы обрабатывать землю отца и заботиться о сестрах и матери.

Но теперь уже ничто не связывало его с Кантваре.

* * *

Какой-то молодой мужчина с всклокоченной бородой увидел, что Беобранд стоит один в дверях, и жестом предложил ему подойти и сесть рядом с ним. Беобранд согласился, мысленно радуясь тому, что наконец-то сможет присесть и отдохнуть после переноски тяжестей с берега на вершину скалы.

— Меня зовут Тондберкт, — сказал молодой мужчина достаточно громко для того, чтобы Беобранд расслышал его сквозь шум зала. — Ты, наверное, приехал на одном из тех судов из Кантваре?

Беобранд кивнул. Выражение его лица, наверное, выдало его ощущения, поскольку Тондберкт, посмотрев туда же, куда и Беобранд, взял со стола рог с медовухой и передал ему.

— Ты, должно быть, устал после этого путешествия.

— Да, устал, — ответил Беобранд, сделав большой глоток сладкого напитка. — И проголодался, — добавил он. — Это мое первое путешествие за пределы владений моего повелителя — короля Эдбальда.

Тондберкт махнул рукой симпатичной рабыне, нарезавшей свинину. Она подошла к ним с несколькими отборными кусками на подносе. Поставив поднос на стол, рабыня улыбнулась этим двум молодым мужчинам и вернулась к очагу. Беобранд взял кусок мяса и, хотя горячий жир обжигал ему пальцы, откусил столько, сколько смог.

Тондберкт налил ему еще медовухи из большого глиняного кувшина. Он, похоже, не стеснялся разговаривать с незнакомым человеком, и Беобранд с радостью слушал его, утоляя голод.

— Послезавтра я впервые в жизни отправлюсь в поход с другими воинами. Прошлым летом отец дал мне новое копье и щит. Теперь у меня будет возможность проверить, насколько они хороши.

Его глаза сверкнули, отразив свет очага. Беобранду было вполне понятно волнение этого воина.

Пока Тондберкт рассказывал Беобранду о своем новом оружии и о том, как он испробует его в предстоящей битве, Беобранд стал разглядывать сидящих за столами здоровенных воинов. Их здесь

собралось человек пятьдесят, не меньше. Целое войско. Если Эдвин сможет собрать еще больше с близлежащих деревень и ферм, в его распоряжении окажется сила, с которой придется считаться. Интересно, а сколько еще таких людей, которые, подобно Окте, не присутствуют на этом пиру?

Беобранд дожевал кусок хлеба, который он обмакнул в мясной соус, перед тем как запихнуть себе в рот. Затем он запил его глотком медовухи. Тепло помещения и медовуха действовали на него расслабляюще. Он чувствовал, как уходит напряжение, накопившееся в его мышцах за время путешествия по морю.

Перед его мысленным взором стали хаотически мелькать события последних месяцев. Он снова пережил смерть Эдиты. Затем он похоронил Реду и мать в один и тот же день. Все трое умерли в течение недели. Отец меж тем оставался здоровым и сильным. Юношу после этого стали терзать сомнения, а не проклял ли кто-нибудь его, Беобранда.

Он нахмурился и уставился на пламя очага. Может, огонь испепелит терзающие его неприятные воспоминания? Беобранду не хотелось думать о прошлом. Не хотелось думать о том, что случилось.

И о том, что он сделал.

А сделал он вот что — сжег свой дом и отправился на север в поисках новой жизни.

Беобранд повернулся к Тондберкту, добравшемуся уже до середины своего рассказа об одном из сыновей короля — Осфрите. Тот, похоже, был великим охотником, поскольку прошлым летом в одиночку одолел медведя. Непрерывная болтовня уже казалась Беобранду утомительной, а потому он прервал Тондберкта вопросом:

— Ты знаешь, где мой брат?

Тондберкт растерянно захлопал ресницами, тщетно пытаясь понять, какое отношение имеет этот вопрос к тому, о чем он сейчас рассказывал.

— Ну, это зависит от того, кто он, этот твой брат, — наконец ответил он с улыбкой. Его, похоже, ничуть не обидело то, что его перебили.

— Его зовут Окта. Он немного выше меня. У него очень светлые волосы, почти белые.

Тондберкт открыл было рот, чтобы ответить, но потом, видимо, передумал и снова закрыл его. Он посмотрел вниз, на свои ладони, а затем сделал большой глоток из рога с медовухой. Беобранду невольно подумалось, что с его братом, наверное, произошло что-то ужасное, раз уж болтливый Тондберкт вдруг стал нем как рыба.

— Что случилось? — спросил Беобранд.

Тондберкт сидел с таким видом, как будто не хотел ничего отвечать. Затем, несколько секунд

спустя, он вдруг выпалил:

— Окта умер!

Беобранду эти слова показались какой-то бредовой фантазией.

— Что? Нет, не может быть... Я... — Он запнулся.

Однако выражение лица Тондберкта говорило ему, что никакая это не фантазия. Лицо у Тондберкта стало пепельно-серым: он, казалось, сам пришел в ужас от того известия, которое только что сообщил Беобранду.

— Мне жаль, — сказал Тондберкт.

Он выпил еще медовухи. Судя по его виду, он чувствовал себя очень неловко.

— А как он умер? — Беобранд с трудом выдавил эту фразу через ком, подступивший к горлу.

Тондберкт потупил взор.

— Как он умер? — повторил свой вопрос Беобранд, повышая голос.

Тондберкт посмотрел прямо в голубые глаза Беобранда. На какой-то миг Беобранду показалось, что Тондберкт сейчас не выдержит его пристального взгляда и выбежит из зала. Однако несколькими мгновениями позже тот сделал глубокий вдох и тихо произнес:

— Он покончил с собой.

Его слова потонули в общем гуле зала.

Сидящие вокруг Беобранда и Тондберкта люди бурно пировали. Беобранд и Тондберкт были своего рода островком тишины посреди океана шума. А еще они походили на тень облака, падающую на ячменное поле в ветреный летний день.

— Что?

Тондберкт тяжело сглотнул и повторил уже погромче:

— Он покончил с собой.

— Каким образом? И почему?

Тондберкт снова сглотнул, а затем прокашлялся. Беобранд пристально смотрел на него, с нетерпением ожидая ответа. Ему очень хотелось узнать, почему его брат, ради встречи с которым он путешествовал вдоль всего Альбиона, покончил с собой. Тондберкт, который, похоже, уже смирился со своей — неожиданной для него — ролью человека, сообщающего дурные известия, ответил:

— Он прыгнул со стены. На скалы.

Голова у Беобранда пошла кругом. Он не мог собраться с мыслями. Они стали похожими на листья, подхваченные штормовым ветром. Это был какой-то нелепый кошмар. Эдита, Реда и мать умерли от чумы. Отец затем тоже умер. А теперь еще и Окта.

— Почему?

Произнеся это слово, он затем повторил его,

сам толком не зная, к кому обращается с этим вопросом — к Тондберкту или к богам.

— Ее возлюбленную нашли убитой. Возможно, он...

Голос Тондберкта стих.

Однако Беобранд уже и не хотел ничего слушать. Он стремительно поднялся, но вдруг почувствовал слабость и едва не поперхнулся наполовину пережеванным куском мяса, оставшимся во рту. Откуда-то из глубины его тела полились целые потоки невыносимой боли. Слезы обожгли глаза. И ему не хотелось, чтобы чужие люди видели, как он плачет.

Тондберкт тоже встал, но не сказал больше ничего.

Беобранд, в свою очередь, не мог произнести ни слова. Его горло сжалось, дыхание стало прерывистым. Глаза наполнились слезами, взор затуманился. Ему было необходимо срочно выйти из этого помещения. Он повернулся и, едва не споткнувшись о скамью, вышел из зала, пошатываясь.

Едва он нырнул в темноту за входной дверью, как на него набросились холодный ветер и дождь.

«Умерли! Они все умерли!»

По мере того как он удалялся от входной двери, все гуще становилась окружающая темнота. Он мог разглядеть факелы, мерцающие на

крепостной стене там, где находились стражники, но ему сейчас хотелось держаться вдали от любопытных глаз. Хотелось остаться наедине со своим горем. Он направился к какому-то большому зданию, вокруг которого было так же темно, как в могильном холме. Здание это оказалось конюшней. Он открыл ворота и зашел внутрь.

Двигаясь затем на ощупь вдоль стены конюшни, он почти не видел лошадей, а лишь слышал издаваемые ими звуки и чувствовал их запах. Наткнувшись на кипу сена, он улегся на нее. Когда его сестры и мать заболели и умерли от чумы, он не позволял себе распускать слюни по этому поводу. Пока они еще жили, ему было просто некогда горевать: все время уходило на то, чтобы ухаживать за ними и пытаться их вылечить. Когда же они умерли, он загнал свое горе куда-то глубоко внутрь, и там из него выковался стальной клинок ненависти, которую он направил на своего отца. Тот уже никогда не поднимет руку ни на него, ни на кого-либо еще.

Поскольку все они умерли, он задался целью разыскать Окту и сообщить об их смерти. Однако оказалось, что Окта тоже мертв.

Окта. Сообразительный, никогда не унывающий и вспыльчивый Окта. Беобранд запомнил Окту таким, каким видел его три года назад. Высокий сильный мужчина двадцати лет от роду, он смеялся, стоя на палубе судна, на котором

уплывал куда-то на север. Его светлые волосы развевались на ветру. Беобранд видел его таким, когда бежал по вершинам прибрежных скал, махал рукой и кричал слова прощания. Он помнил, что у него тогда возникло чувство, что он остался на белом свете совсем один. Они ведь с Октой были самыми близкими друзьями. Они вместе обрабатывали землю и учились владеть оружием под руководством дяди Селуина. А еще Окта всегда защищал его, сестер и мать от побоев отца.

Беобранд так до конца и не простил Окту за то, что он тогда их покинул.

А больше ему не доведется увидеть улыбающееся лицо Окты и услышать его приятный мелодичный голос. Главная цель Беобранда в последнее время заключалась в том, чтобы разыскать своего брата, и теперь, когда выяснилось, что брата нет в живых, он не знал, что делать дальше. Впервые в жизни он и вправду остался на белом свете совсем один.

В полной мере осознав это, он наконец дал волю слезам. Они потекли ручьями. Потекли все те слезы, которые он так долго удерживал в себе, чтобы погоревать о гибели своих ближайших родственников вместе с Октой. Его тело затряслось от всхлипываний. Из горла вырвались тихие, почти животные звуки. Им полностью завладели горе и жалость к самому себе.

Он лежал, уткнувшись лицом в сено, очень долго — пока не высохли слезы. Затем Беобранд попытался взять себя в руки. Он представил себе, что сказал бы отец, если бы увидел, что он, став уже взрослым, плачет, как маленький мальчик. Отец схватил бы его за ухо и сказал бы, что плакать могут только женщины и дети. Слезами все равно ничего не добьешься — а значит, нет никакого смысла в рыданиях. «Тебе нужно действовать, сынок, а не скулить и хлюпать носом». Сколько раз он слышал эти слова от своего отца? Сто? Тысячу?

В конце концов он последовал этому совету.

— Почему ты плакал? — раздался из темноты тихий голос, заставивший Беобранда вздрогнуть. — Мужчины не должны плакать. Так говорит мой отец. — Голос звучал где-то совсем близко. Беобранд, приподнявшись, сел и вытер лицо рукавом рубахи.

— Кто ты? — спросил он. Его сердце забилося быстрее.

— Энфледа. А как зовут тебя?

Этот голос, похоже, принадлежал маленькой девочке. Что она делала здесь, на конюшне, в такой темноте?

— Беобранд, — ответил он.

— Ты из Кантваре? — спросила Энфледа. —

Ты говоришь как-то странно.

— Да, из Кантваре. А почему ты считаешь, что я говорю как-то странно?

— Ты произносишь слова как-то не так, — ответила девочка, а затем повторила свой первый вопрос: — Почему ты плакал?

Беобранду не хотелось говорить о своей утрате, о своем ужасном горе — а уж тем более с маленькой девочкой. Поэтому он спросил:

— А что ты здесь делаешь? Твои родители знают, где ты сейчас находишься?

В голосе Энфледы зазвучала тоска:

— Я сижу с лошадьми. Никто не знает, что я здесь. Они слишком заняты на пиру. Мой отец — Эдвин. — Девочка сделала паузу, а затем, словно объясняя что-то непонятливому ребенку, добавила: — Он — король.

Беобранд вскочил, но, потеряв равновесие, едва не свалился в находившееся позади него стойло. Если бы его обнаружили здесь, в темноте, рядом с этой малолетней принцессой, ему было бы очень трудно объяснить, чем они здесь занимались. Конь, в стойло которого он чуть не упал, возмущенно фыркнул и стукнул в пол копытом.

— Т-с-с, приятель, я тебя больше не потревожу, не шуми, — стал он успокаивать коня, разговаривая с ним ласковым голосом, каким он всегда беседовал с растревожившимися животными

на отцовской ферме. Конь тут же угомонился.

— Энфледа, по-моему, зря ты сейчас сюда пришла. Мне кажется, лучше бы ты вернулась к себе и легла спать.

Он услышал в темноте, как девочка поднимается на ноги.

Ему очень хотелось надеяться на то, что она последует его совету и что никто не увидит, как она выходит из конюшни, а иначе ему придется давать объяснения по поводу того, как они вдвоем здесь оказались.

— Хорошо, — сказала девочка кротким голосом. — Наверное, уже поздно. Спокойной ночи, Беобранд из Кантваре.

— Спокойной ночи, Энфледа, дочь Эдвина, — прошептал Беобранд.

Судя по раздавшимся затем звукам, девочка быстро зашагала к воротам конюшни. Ворота, скрипнув, слегка приоткрылись, пропуская внутрь порыв ветра с дождем. Беобранд снова остался в темноте наедине с лошадьми.

Он присел, прислушиваясь к ветру, воющему возле стен конюшни. Встреча с принцессой помогла ему собраться с мыслями, но в душе он ощутил пустоту — такую пустоту, как будто вместе со слезами из него вытекли и все чувства. Что ему теперь делать? Отправиться обратно на судне вместе с Хротгаром он не мог. Там, на родине, он

оставил слишком много призраков. Наверное, он мог бы прижиться здесь, в этой северной земле. Но как? Он ведь ничего не умел и ничего не значил.

Беобранд никак не мог решить, что же ему теперь делать. А может, это не так уж и важно? Что бы его вирд ни приготовил для него, он примет это как должное.

Поразмыслив немного, он надумал вернуться в большой зал и съесть еще что-нибудь до того, как пир закончится. Не исключено, что это поможет ему заполнить пустоту, которую он ощущал внутри себя. Он поднялся и осторожно двинулся к выходу из конюшни. Ветер уже стихал, а дождь стал слабее. Беобранд аккуратно закрыл за собой ворота конюшни и медленным шагом направился в сторону зала. Его никто не окликнул, и девочки нигде не было видно.

* * *

Снова оказавшись в теплом и шумном зале, Беобранд стал искать взглядом, где бы ему присесть. Ему не хотелось слушать болтовню разговорчивого Тондберкта, однако на скамьях уже почти не осталось свободных мест. Размышляя над тем, а не расположиться ли ему рядом с мужчинами помоложе прямо на полу возле очага, он вдруг осознал, что в зале почему-то стало тихо — как в

тот раз, когда он впервые зашел сюда в самом начале пира. Подумав, что король снова собрался что-то сказать, Беобранд повернулся к столу, из дубовой столешницы которого все еще торчал искусно выкованный меч, и встретился взглядом с королем Эдвином. Король пристально смотрел прямо на него. Сердце Беобранда екнуло. Он увидел, что возле ног короля сидит девочка и поглаживает серого волкодава. Беобранд не смог разглядеть Энфледу в темноте конюшни, но он был уверен, что вот эта стройная девочка с волосами цвета льна — не кто иная, как дочь короля. Беобранду подумалось, что она тоже не разглядела его лицо в темноте и это, возможно, спасет его. Однако эта надежда быстро развеялась, когда король заговорил. Эдвин при этом повысил голос так, чтобы его слышали все присутствующие в зале.

— Эй ты! Тебя зовут Беобранд?

Беобранд не смог выдать ни звука, а потому просто кивнул в ответ.

— Подойди сюда, чтобы я мог лучше тебя видеть.

Беобранд медленно прошел через весь зал, чувствуя, что все присутствующие смотрят ему вслед. А еще он слышал, как они шепчутся. Им, видимо, было интересно, что же сейчас произойдет. Когда Беобранд проходил мимо своих земляков, Хротгар прошептал ему хриплым голосом: «Что ты

натворил, парень?» Беобранд ничего не ответил. Он не сводил взгляда с короля, словно ягненок, который смотрит в глаза жрецам перед жертвоприношением.

Беобранд остановился за несколько шагов до того места, где сидел король. Не зная толком, как в подобных случаях надлежит поступать, он опустился перед королем на колени и склонил голову.

— Так вот, Беобранд, Энфледа — вот эта девочка — сказала мне, что ты лежал в конюшне в темноте. Что ты там делал?

Беобранд даже не пытался соврать.

— Я горевал из-за кончины моего брата, сестер и родителей, ваше величество, — ответил он дрожащим голосом. — Мне не хотелось рыдать на виду у всех.

В зале стало очень тихо. Было слышно только, как потрескивают дрова в очаге да хрустят костями собаки под столами. Все присутствующие напряженно прислушивались к разговору короля с парнем из Кантваре.

— А кто твой отец и кто твой брат? — спросил Эдвин уже менее сурово.

— Я сын Гримгунди и брат Окты, мой господин.

В зале начали шептаться: имя его брата было хорошо известно всем присутствующим.

— Смерть твоего брата стала настоящей трагедией. Его здесь очень любили как доблестного воина, подвиги которого будут воспевать за нашим столом еще много лет. — По лицу короля пробежала тень. — Слезы из-за утраты близких людей не унизили тебя, молодой воин.

— Я не воин, мой господин.

— Но я вижу сталь в твоих глазах и кремень в твоём сердце, Беобранд. Ты, возможно, этого еще не знаешь, но я тебе говорю, что ты — воин. Я вижу в тебе сходство с Октой. Готов поспорить, что когда-нибудь ты станешь великим воином.

Беобранд растерялся. Он ведь ожидал, что его обвинят в недостойном поведении по отношению к королевской дочери, но вместо этого король сказал, что он, Беобранд, может пойти по стопам Окты. Это был весьма лестный комплимент в устах столь могущественного короля, тем более что он прозвучал в присутствии его дружины. Стать воином!.. Об этом Беобранд мог только втайне мечтать. Эта мечта была для него чем-то вроде безделушки, которую теребят в руках, чтобы успокоиться, когда жизнь становится слишком тяжкой. Беобранд частенько представлял себе, как он, надев доспехи и взяв в руки оружие, становится рядом с другими воинами, образующими стену из щитов. Плечом к плечу с героями. Боевая слава. Победные песни. Серебряные кольца, которые

надевают на предплечья, — такие господин дарит своим воинам за проявленную доблесть.

Беобранд повнимательнее всмотрелся в глаза Эдвина и не увидел в них ни малейшей насмешки — лишь грусть и доброжелательность.

И тут вдруг, стоя на коленях в этом зале, на виду у всех, он понял, как ему сейчас следует поступить. Он не знал, что произойдет в ближайшие минуты, но у него неожиданно появилась твердая уверенность в том, что все события последних месяцев вели его к этому моменту. Его вирд привел его сквозь смерть и отчаяние сюда, в этот зал. Повернуть назад он уже не мог. Ему показалось, что в мозгу загорелся огонек, который осветил темные уголки, куда он раньше не заглядывал. Не обдумав толком возможных последствий, Беобранд заговорил, стараясь успеть произнести слова до того, как огонек в мозгу погаснет и вернутся тени.

— Если вы думаете, что я стану воином, мой господин Эдвин, — произнес он сильным и уверенным голосом, который удивил всех, в том числе и его самого, — тогда позвольте мне нести ваш щит к полю битвы. Позвольте мне выступить с оружием против ваших врагов и попытаться прославить вас своими деяниями. Позвольте мне служить вам, как служил мой брат. Что скажете, мой господин? Вы возьмете меня в свою дружину?

Стало так тихо, что показалось, будто даже горящие дрова перестали потрескивать, а собаки — грызть брошенные им кости.

Дядя Селуин когда-то рассказывал Окте и Беобранду, какую клятву дают воины своему господину, но Беобранд ее толком не помнил. Поэтому он говорил, как умел, и его голос торжественно звучал в полной тишине:

— Я буду вам верным и преданным. Я буду любить то, что любите вы, и остерегаться того, чего остерегаетесь вы, и никогда не вызову у вас неудовольствия ни словом, ни делом.

Беобранд вдруг осознал, что ведет себя сейчас довольно дерзко. Семнадцатилетнему крестьянину не пристало просить короля позволить ему, юнцу, стать щитоносцем в королевской войске. Гнев короля из-за такого нахальства мог быть ужасным. Беобранд закрыл глаза и мысленно обозвал себя болваном.

Пару мгновений спустя он украдкой взглянул на короля и увидел, что Эдвин откинул голову и высоко поднял обе руки со сжатыми кулаками.

Он, видимо, собирался обрушить свои кулаки на него, нахала. Беобранд напрягся, приготовившись получить удар.

Но тут вдруг он услышал зычный смех Эдвина. Король, отклонившись назад, громко расхохотался. Сидящие в зале люди, увидев, как

отреагировал король, тоже стали смеяться.

— Клянусь мощами Христа, ты когда-нибудь станешь великим человеком! — Эдвин попытался подавить приступ смеха. — Ты отважный, как дикий кабан, Беобранд, сын Гримгунди. Отец тобой гордился бы, и ты, конечно же, одной плоти и крови с Октой. Хорошо, я возьму тебя в дружину. Мне нужны все храбрые сердца, которые я смогу найти! А теперь ешь и пей, ибо очень скоро тебе понадобится вся твоя сила.

Зал взорвался криками и смехом. Король сел и положил ладонь на голову своей дочери. Энфледа улыбнулась Беобранду. Он, пошатываясь, поднялся и пошел обратно к Хротгару и другим землякам из Кантваре. Когда он проходил между рядами столов, незнакомые воины хлопали его по спине и громко хвалили за смелость. Он уже толком не понимал, что делает, а тело казалось непривычно легким. Когда он наконец подошел к своим землякам, они подвинулись, освобождая для него место, и он тяжело опустился на скамью, все еще чувствуя себя ошеломленным столь неожиданным поворотом событий.

— Ну что, ребяташки, — сказал Хротгар таким громким голосом, чтобы его было слышно в шумном зале, — наш юный Беобранд, похоже, скоро станет великим воином!

Земляки Беобранда принялись громко

поздравлять его и пить за его здоровье. Он теперь стал для них героем, и они с удовольствием расскажут о том, что здесь произошло, когда вернутся в Кантваре.

Беобранд же, не имея ни малейшего представления о том, как следует себя вести в подобной ситуации, просто взял рог с медовухой и осушил его тремя большими глотками. Затем, снова посмотрев на своих приятелей, он заставил себя улыбнуться.

Ощущение пустоты внутри сменилось чувством страха, похожим на выющегося кольцами угря, и ему опять захотелось заплакать.

2

Когда Беобранд проснулся на следующее утро, у него здорово трещала голова. Эта боль была почти такой же сильной, как его душевная боль. Прошлый вечер он помнил довольно смутно. Воины один за другим подходили к нему, чтобы выпить за его храбрость, и выражали соболезнования по поводу его утраты. Каждый приносил ему медовухи или эля, а потому Беобранд выпил больше, чем могли многие мужчины раза в два постарше. В конце концов он уже едва воспринимал то, что происходило вокруг него в зале, а затем и вовсе уселся на полу где-то в углу

(при этом одна из собак улеглась возле его ноги) и позволил шуму и теплу затуманить его сознание.

Медовуха и эль снизили четкость восприятия окружающего мира, но отнюдь не смягчили терзающее его ужасное чувство одиночества и отчаяния. Только когда наступила глубокая ночь, его наконец оставили в покое. И хотя он больше не плакал, его душу терзала боль, которую он едва мог вынести. Единственное, что он был в состоянии делать, — это продолжать пить, надеясь на то, что в конце концов забудет, где находится. Или даже забудет, кто он такой.

Он смутно помнил о том, как бард запел о каком-то великом человеке, который убил демона. Беобранд пытался прислушиваться к повествованию барда, чтобы отвлечься от своей тоски. Однако в своем пьяном состоянии он никак не мог сосредоточиться на повествовании. Замысловатые напевы, которые бард выплетал при помощи арфы и своего красивого голоса, звучали для Беобранда как мелодия флейты без членораздельных слов. Он так и не узнал, что случилось с воином, воспеваемым бардом, потому что задремал...

Проснувшись, он осторожно приподнялся, сел и огляделся по сторонам. В воздухе чувствовалась прохлада: дверь зала открыли, чтобы в него попадал свет и чтобы проветрить его до того, как в

нем снова примутся за еду. Солнце уже взошло. Женщины-рабыни подметали пол и готовили столы к утренней трапезе. Несколько мужчин спали в разных частях зала, укрывшись шкурами, одеялами и плащами, но большинство из тех, кто участвовал в пире, уже проснулись и куда-то ушли.

Беобранд поднялся и заметил при этом, что какой-то добрый человек укрыл его ночью одеялом. Он свернул это одеяло и положил его на скамью, а затем решил, что ему лучше убраться отсюда поскорее. Женщины-рабыни вряд ли обрадуются, обнаружив, что им придется отчищать пол от того, что он вчера съел, но что сейчас грозило вернуться обратно.

Беобранд поспешил к выходу, чувствуя, что его вот-вот вывернет наизнанку. У него закружилась голова. Он зашел за угол здания и, прислонившись к стене, начал блевать, содрогаясь всем телом.

— Ты, похоже, перебрал медовухи нашего господина Эдвина, парень! — раздался позади него веселый голос. — Тебе бы сейчас поесть каши. Ну что, уже закончил? Такое впечатление, что ты сейчас выблюешь даже собственные кишки!

Когда Беобранд наконец смог выпрямиться, он повернулся и посмотрел на человека, говорившего с ним. Это был очень крупный мужчина — настоящий гигант — с большой

каштановой бородой и уже начавшей лысеть головой. Над его левым глазом виднелся длинный шрам.

— Ты не помнишь меня, да, парень? — спросил гигант. — Я разговаривал с тобой вчера вечером, но ты, похоже, был уже не в состоянии слушать. Меня зовут Басс. Я был другом твоего брата.

Свежий воздух и опустошенный рвотой желудок позволили Беобранду почувствовать себя немного лучше. Голова все еще болела, но он решил, что ходьба уже не будет вызывать головокружение и тошноту.

— А ты хладнокровный, в этом тебе не откажешь, — продолжал Басс. — Пошли найдем тебе какой-нибудь теплой еды, а то ты бледный, как шерсть ягненка. Тебе нужно восстановить свои силы, чтобы я мог сделать из тебя воина к закату солнца!

Произнеся эти слова, приведшие Беобранда в замешательство, Басс положил большую ладонь на плечо юноши и повел его обратно в зал, где люди уже начали собираться на утреннюю трапезу.

* * *

Прибрежный песок был чистым — всю грязь с него смыло во время вчерашней бури. Со стороны

моря дул свежий ветерок, однако белые облака, собравшиеся на горизонте, были явно не дождевыми.

Из расположенной на скале крепости Беобранд и Басс спустились по лестнице на берег и направились к судам, которые лежали днищем на песке. Возле этих двух судов из Кантваре вовсю кипела работа: их готовили к отплытию. Хротгар и Свидхельм решили воспользоваться хорошей погодой и отправиться в обратный путь сегодня утром. Узнав об этом, многие люди из Кантваре в сердцах выругались. Даже и сейчас раздавалось недовольное бурчание многих из тех, кто заносил на корабли мешки с провизией и возился с канатами, подготавливая суда к выходу в море. Несмотря на уныние некоторых моряков, которые предпочли бы провести на берегу еще несколько дней и лишь затем отправиться в плавание, работа продвигалась довольно быстро.

Беобранд шел рядом со своим могучим спутником молча, размышляя над будущим и решениями, которые он принял. В его жизни произошли такие перемены, которых он не мог себе даже и представить всего несколько дней назад. Его сознание прояснилось. Он поел горячей каши, и сейчас, при ярком солнце и под прохладным ветерком, жизнь уже не казалась ему столь ужасной, как прошлым вечером. Глубоко внутри

еще таилась боль, грозившая в любой момент напомнить о себе, однако он не обращал на нее внимания, стараясь думать лишь о самых насущных проблемах. Отец мог бы им гордиться.

Басс то и дело поглядывал на Беобранда. Ему подумалось, что этот парень очень похож на своего брата. Беобранд, правда, был не таким светловолосым, не таким высоким и не таким мускулистым, как Окта. Однако несколько месяцев физических упражнений — и он окрепнет, наберет вес и станет настоящим воином. В точности как его старший брат. У него ведь столь же непринужденная походка и пронизательный взгляд. Бассу было вполне понятно, почему Эдвин подумал, что Беобранд когда-нибудь станет великим воином: он, Басс, своим глазом бывалого вояки отчетливо видел, что у этого молодого крестьянина есть задатки человека, способного одолевая в смертельной схватке других людей. Басс надеялся, что обучит этого парня достаточно хорошо для того, чтобы тот сумел выжить в битве, до которой оставалось лишь несколько дней.

Бассу все еще не верилось, что Окты больше нет. С того момента, когда они встретились впервые, они стали близкими друзьями, хотя Басс был старше Окты лет на десять. Более того, они стали друг для друга почти что братьями. Они частенько шутили над тем, как похожи их вкусы, и

не раз ловили себя на том, что и мыслят они одинаково. Теперь, после смерти Окты, Бассу казалось, что он потерял родного брата.

Во время утренней трапезы Беобранд попросил Басса рассказать поподробнее о смерти Окты.

— Все было так, как тебе говорили, — ответил Басс с мрачным выражением лица. — Его нашли рыбаки на скалах под крепостной стеной.

Смерть Окты поразила Басса до глубины души. Перед его мысленным взором все еще частенько появлялось тело Окты, изувеченное после падения с высокой скалы, на которой стояла крепость Беббанбург.

— С какой стати ему пришло в голову такое совершить? — спросил Беобранд.

Он не мог даже и представить, чтобы Окта вдруг впал в подобное отчаяние. Впрочем, а что он знал о жизни брата? Три года разлуки — это большой срок.

— Он любил девушку, которую звали Эльда. — Басс задумчиво смотрел на только что разведенный огонь в очаге, погрузившись в воспоминания. — Ее тело обнаружили уже после того, как нашли труп Окты. Ее убили. Убили очень жестоко.

Басс не стал рассказывать парню, что Эльду изрубили чем-то острым так, что она превратилась

в большой бесформенный кусок мяса. Это было самое жестокое убийство из всех, о которых знали здесь люди.

— Это сделал он? — спросил Беобранд.

— Люди полагают, что он. Они думают, что он убил ее, а затем покончил с собой.

— А ты так не думаешь?

Басс некоторое время молчал. Эльда и Окта были любовниками. Все об этом знали, и поэтому, за неимением других фактов, свидетельствующих о чем-то ином, был сделан очевидный вывод — Окта убил Эльду и затем прыгнул вниз со стены, чтобы разбиться насмерть.

Однако все это казалось неправдоподобным. Окта пылал страстью к Эльде. Они встречались на протяжении нескольких месяцев и были счастливы друг с другом. У них даже заходила речь о женитьбе. Даже если бы Эльда изменила Окте, тот не стал бы ее убивать, Басс был уверен в этом. Окта прекрасно орудовал мечом в битвах, но он никогда не поднял бы руку на женщину.

Эдвин придерживался того же мнения, однако из-за отсутствия очевидцев и улик, свидетельствующих о чем-то ином, оставалось только одно объяснение произошедшего. Басс сомневался, что когда-нибудь удастся узнать, что же случилось на самом деле в ту ночь. Если вирд все же даст правдивые ответы на терзающие Басса

вопросы, он надеялся, что сумеет отомстить за смерть друга.

— Совершенно верно, я так не думаю, — наконец произнес Басс. — Мне кажется, что его убили. И сделал это тот же человек, который убил Эльду. Но кто он такой и почему так поступил — этого я не знаю.

Беобранд уцепился за эти слова так, как тонущий человек цепляется за плывущее мимо бревно. Он не мог поверить в то, что его брат стал убийцей, да еще и наложил на себя руки. Ему легче верилось в то, что с Октой кто-то расправился.

Но кто его убил? Беобранд посмотрел через плечо вверх, на крепость. Где сейчас находится тот, кто прикончил его брата? Там, в крепости Беббанбург? Был ли он вчера вечером в зале? Разговаривал ли он с ним, Беобрандом? Беобранд не знал, кто расправился с его братом, но если выяснит это, то не станет брать с виновного виру⁷. Если Беобранд найдет убийцу Окты, расплатой может стать только смерть...

Беобранд и Басс уже подходили к судам, и Басс, остановившись, сбросил на землю два щита, которые нес на спине, и воткнул в песок два копья,

⁷ Вира — денежный штраф за убийство человека в пользу его родственника.

которые держал в руках. Беобранд повернулся к этому могучему воину и заговорил с ним впервые с того момента, как они вышли из зала.

— Я ненадолго. Просто хочу попрощаться.

Кивнув, Басс сел на песок и стал смотреть на серо-голубое море.

Беобранд пошел к судам, до которых было уже недалеко. Прежде чем он успел поздороваться с земляками из Кантваре, многие из них первыми начали махать ему и что-то кричать. Некоторые, бросив работу, подошли к нему и стали прощаться. Большинство из них были старше Беобранда и люди, мягко говоря, суровые, однако сейчас юноша испытывал к ним самые теплые чувства. Он ведь еще совсем недавно был одним из них. Теперь же они оставляли его здесь, не представляя, что его ждет, а потому переживали за него. Они знали о его трагедиях, и им хотелось верить, что он найдет свою счастливую судьбу в этом северном королевстве. Некоторые земляки подарили ему кое-что на память: Анна — маленький кожаный кошелек, Иммин — нож с рукояткой из кости... А Хротгар даже дал ему подвеску из китового уса, вырезанную в виде молота Тунора, которую сам раньше всегда носил на шее.

— Пусть это принесет тебе удачу, юный воин, — угрюмо произнес Хротгар. Затем, по-видимому, не желая выказывать охватившие его

чувства, он поспешно отвернулся и крикнул людям, бросившим работу: — Что стоите, вы, лентяи? Не забывайте, что время и приливы с отливами никого ждать не будут!

Некоторые из них помахали рукой Беобранду, и все они вернулись к своим занятиям на судне. Беобранд пошел обратно к Бассу. Этот могучий танчем-то напоминал огромный валун, покоящийся на прибрежном песке. Снова увидев два копья, воткнутое в песок позади Басса, Беобранд задумался над тем, сможет ли научиться хорошо владеть этим оружием всего за один день. Он уже спрашивал об этом Басса после того, как они утром поели. В ответ на этот вопрос гигант сказал: «Лучше научиться хоть чему-нибудь, парень, чем не уметь вообще ничего!» Беобранду подумалось, что такой совет вполне мог прозвучать и из уст отца. И возразить тут было нечего.

Беобранд частенько практиковался в обращении с оружием под руководством Селуина, но всегда отдавал предпочтение мечу — с того самого момента, как дядя свозил их с братом в Кантваребург посмотреть на то, как кузнец выковывает клинок. Тот кузнец хорошо знал Селуина и с удовольствием объяснил мальчишкам, что нужно для того, чтобы выковать прочный клинок. Он показал им, как соединенные друг с другом железные полосы раскаляют до тех пор,

пока они не начинают светиться, словно солнце на закате, и затем бьют по ним молотом, пока они не становятся единым целым. Эта процедура повторялась снова и снова, благодаря чему клинок приобретал свои переливающиеся узоры, а также прочность и гибкость. Чем больше железных полос соединялось друг с другом подобным образом, тем крепче и красивее получался клинок.

«Это как разные истории, из которых состоит жизнь человека. Чем больше поворотов в ходе событий, составляющих каждую из них, и чем больше историй сплетаются друг с другом под воздействием суровых жизненных обстоятельств, тем крепче становится человек», — говорил дядя Селуин. Беобранд никогда об этом не забывал.

С того дня он загорелся желанием владеть подобным мечом. Он даже мерещился ему и снился по ночам.

Дядя не позволял ему брать свой настоящий клинок, но изготовил для племянников деревянные мечи, при помощи которых Беобранд и Окта учились владеть этим видом оружия. Они настойчиво практиковались в искусстве фехтования всегда, когда не работали в поле или дома по хозяйству. Копье по сравнению с мечом казалось Беобранду громоздким и неудобным, а потому оно никогда не вызывало такого энтузиазма, какой рождал в нем длинный клинок меча.

Однако меча у него не было, и, кроме того, стена из щитов, которую образовывали воины, выстраивающиеся в боевой порядок перед сражением, обязательно должна была ошетиниться на врага копьями. Теперь ему предстояло принять участие в битве, и Беобранд, глядя на эти два копьа с древками из ясеня, пожалел о том, что в свое время не уделял должного внимания обращению с этим оружием.

Поэтому, когда Басс поднялся с песка и бросил ему копье, Беобранд, поймав его, с радостью приготовился учиться владеть им, горя желанием узнать как можно больше.

Он ведь сам выбрал для себя такую жизнь. Боевая слава и смерть. Копье и щит.

На следующий день они с Бассом пойдут на юг вместе с ополчением — войском, собранным для того, чтобы защитить эту страну. Во время битвы ему придется убивать. А это требовало от него того, чему Басс его научить не мог. Беобранду на несколько мгновений вспомнился отец. Тот уж точно умел убивать.

С мыслями об убийстве к Беобранду вернулись мысли об убийце Окты. Он пообещал себе, что найдет этого человека. И когда это произойдет, он, Беобранд, будет готов. Будет готов отомстить.

Весь остаток дня Беобранд практиковался в навыках, необходимых воину. Басс сосредоточился на тех, которые больше всего пригодятся Беобранду, когда он будет стоять в шеренге воинов, образующих своими щитами стену. Гигант показал Беобранду, как держать щит таким образом, чтобы быстро менять его положение, прикрываясь от разных видов атак. Беобранд также научился наносить стремительный колющий удар копьем.

— Не пытайся выкалывать им глаза — целься в ноги. Воин не сможет оказать сильное сопротивление после того, как ему в ногу вонзится копьё!

А еще Басс показал Беобранду, как отодвинуть щит противника в сторону от его тела и тем самым сделать его уязвимым.

— Имей в виду: ты должен понимать, что делаешь, и разумно использовать свой щит, а иначе твое тело окажется открытым для вражеского удара.

Прошло не так уж много времени перед тем, как Беобранд почувствовал усталость. У него начали болеть на руках и плечах такие мышцы, о существовании которых он раньше и не догадывался. Его предплечья стали ныть после того, как он неоднократно повторил колющие

удары копьем, а спина заболела от того, что ему пришлось много раз поднять и опустить тяжелый щит. Однако еще мучительнее была головная боль, вызванная излишествами прошлого вечера. Вскоре его опять затошнило.

Басс оказался суровым учителем. Он не позволял Беобранду отдыхать до тех пор, пока не счел, что его ученик уже овладел основными навыками.

Он видел, что силы Беобранда тают и что этот парень все больше бледнеет, но не давал ему сделать передышку.

— Ты сможешь отдохнуть после битвы — и не раньше. Тебе следовало осознавать, на что ты нарываешься, когда ты вызвался стать оруженосцем Эдвина.

Беобранд в ответ лишь застонал. Когда он практиковался в обращении с мечом под руководством Селуина, тот всегда позволял ему отдышаться, если он уставал. Селуин в шутку говорил племяннику, что они всего лишь играют в войну. Тогда спешить было некуда.

— Тебя, насколько я вижу, уже когда-то учили сражаться, но позиция у тебя неправильная, и ты не имеешь ни малейшего представления о том, как орудовать копьем. Нанеси колющий удар еще раз — да так, чтобы я видел, что ты вкладываешь в удар вес своего тела!

Беобранд сжал зубы и стал стараться изо всех сил. В животе заурчало. У него возникло подозрение, что его опять стошнит, если он не прекратит эти занятия.

— Я знаю, ты устал и жалеешь о том, что выпил вчера вечером так много медовухи, но осталось совсем немного времени до того момента, когда нам придется сражаться. Я уже потерял одного сына Гримгунди. Потерять еще одного я не хочу. Ты будешь готов к битве.

Когда они наконец сделали небольшой перерыв, чтобы перекусить, с обоих пот тек ручьями. Беобранд улегся на песок и лежал, тяжело дыша. Басс достал из кожаной сумки немного жареного мяса, хлеб и сыр. Беобранд чувствовал себя ужасно. Его мышцы сводило от усталости, а в голове чувствовалась такая пульсация, как будто какой-то кузнец бил молотом по его мозгам, пытаясь их расплющить. Беобранд проглотил кусочек сухого хлеба и запил его водой из кожаной фляги.

— А что сделали с телом Окты? — спросил он.

— Его похоронили — похоронили по обычаю приверженцев Христа. Его могила находится недалеко отсюда. Я могу показать ее тебе.

— Мне хотелось бы на нее взглянуть. Спасибо.

Ему подумалось о том, что Окта сейчас лежит в темноте, придавленный землей, а его светлые волосы испачкались и стали темными.

Глаза Беобранда наполнились слезами. Басс тактично отвел взгляд в сторону — на суда, которые стаскивали с берега в море.

Столь упорные занятия были хороши тем, что у Беобранда не оставалось времени на невеселые мысли о положении, в котором он оказался. И об утратах. Поэтому, прежде чем эти мысли вернулись, он заставил себя подняться и приготовился к еще более утомительным упражнениям. Басса удивило неожиданное рвение ученика, но он ничего не сказал по этому поводу.

Он тоже встал, и они продолжили занятия с того, на чем их прервали.

Оба устали до изнеможения, когда Басс заявил, что обучение закончено. Они взяли вещи, и Басс повел своего ученика через дюны и растущую на песке траву на юг — туда, где обитатели крепости Беббанбург хоронили своих покойников.

— Если ты будешь продолжать упражняться и во время похода в Элмет, ты, возможно, выживешь в битве, — сказал гигант.

— А в чем она будет заключаться? — спросил Беобранд.

— Битва? Она закончится еще до того, как ты

в полной мере осознаешь, что она уже началась, и к тому моменту мы уже будем знать, запомнил ли ты что-нибудь из того, чему я тебя учил, или нет. И благосклонны ли к тебе боги. Если на то будет воля вирда, ты останешься в живых.

Беобранд прокашлялся и сплюнул.

— До сих пор боги были ко мне не благосклонны, — сказал он.

Басс ответил очень серьезным тоном:

— Никогда нельзя заранее определить, Беобранд, кому боги станут помогать в битве, а кому нет. Воины, которых ты считал удачливыми, могут в мгновение ока пасть под ударами врагов, тогда как самые бестолковые люди, плохо владеющие оружием, зачастую умудряются выжить в бесчисленных сражениях и умереть в глубокой старости в своей постели. Но что является абсолютной истиной — так это то, что первая битва для любого воина совсем не похожа на все последующие. Некоторые люди обнаруживают, что им нравится сражаться и убивать, другие понимают, что это им совсем не по душе. Слабые зачастую гибнут быстро или же позорят себя тем, что убегают с поля боя либо сдаются в плен. Первая битва отделяет мякину от зерна.

Басс посмотрел на Беобранда испытующим взглядом, словно бы сравнивая его с чем-то или с кем-то. Возможно, с Октой.

Все еще находясь в пределах видимости со скалы, на которой стояла крепость, они вышли на равнину. К западу от них росли деревья. На востоке земля с небольшим уклоном уходила к песчаному пляжу. Участок перед ними был усеян высокими каменными плитами и могильными холмиками, указывающими, в каких местах были похоронены усопшие обитатели Берниции. На дальней западной окраине кладбища, возле деревьев, располагались самые большие и древние могильные холмики. Им, наверное, было уже много веков.

— Тут хоронили людей задолго до того, как наши предки прибыли сюда, переплыв Северное море, — сказал Басс. — Вполне подходящее место для того, чтобы в нем обрел покой Окта.

Он двинулся между могильными холмами и каменными плитами. Беобранд последовал за ним. Обоими овладела робость, и они вели себя очень тихо, стараясь не наступать на могилы. Им не хотелось тревожить умерших.

— Вот здесь лежит твой брат. — Басс остановился перед свежим могильным холмиком. — Я видел, что его тело должным образом подготовили к погребению. Он принял Христову веру — как это сделали все мы, кто служит Эдвину. Однако я уверен, что его похоронили с саксом и амулетом в виде молота Тунора. Думаю, это разумно — пытаться угодить

сразу всем богам.

Беобранд кивнул в знак благодарности. Он стоял, глядя на свежую землю могилы. Она была длинной. Достаточно длинной для того, чтобы в нее поместилось тело такого высокого человека, как Окта.

Басс отступил, чтобы пропустить вперед своего юного спутника.

— Я подожду тебя там, на тропинке. Попрощайся, но не затягивай с этим. Мне не хочется задерживаться здесь после того, как стемнеет.

Оставшись в одиночестве, Беобранд присел на землю и, потянувшись, прикоснулся к ней пальцами в том месте, где теперь лежали останки Окты. Земля эта была холодной, сырой и твердой. Она казалось мертвой. А чего он еще ожидал? Что от трупа его брата будет исходить тепло?

Слезы больше не наворачивались ему на глаза. Он выплакал их еще вчера вечером.

— Почему ты покинул меня, брат? — прошептал он. — Ты же знал, что я не смогу последовать за тобой. Я не имел права оставить их с *ним*.

На него нахлынули воспоминания. Ему снова было четыре года от роду, и он проснулся от воплей своей матери. Он выполз из кровати, стоявшей в глубине дома, чтобы посмотреть, что случилось. Он

не испугался — ему просто стало интересно, что это за шум. Страх перед отцом появился у него позже.

Это воспоминание было в целом смутным и расплывчатым, но он четко помнил, как Окта с вызывающим видом встал между родителями. Окта был на шесть лет старше его, но все еще оставался ребенком. Его худенькому телу только предстояло набрать вес и обрести стать взрослого и могучего воина. Тем не менее он стоял перед отцом, уперев руки в бока и выпятив грудь.

— Не смей больше к ней прикасаться! — сказал Окта дрожащим от волнения голосом.

Мать поднялась и попыталась уговорить отца, но тот уже нашел, на кого обрушить свой гнев, и Окта с его легким, как у птички, детским тельцем не смог дать отпор грузному Гримгунди. Отец избил в тот вечер Окту до бессознательного состояния. Беобранд стал всхлипывать и умолять отца пощадить братика. Он боялся, что отец убьет Окту. Он раньше видел, как убивают ягнят и свиней. Светлые волосы его брата все перепачкались в крови, и Беобранд испугался, что может произойти непоправимое.

Он плакал и умолял, но сладить с распоясавшимся отцом не сумел. *Тогда* не сумел. Он впервые сделал это лишь много лет спустя, когда Окты рядом с ним, матерью и сестрами уже

не было...

Послышался шорох, который заставил Беобранда поднять голову. Может, это был приглушенный шепот духа? Беобранд содрогнулся. Нет, это просто ветер шумел в листве деревьев.

«Я знаю, почему ты уехал, Окта. Ты боялся, что не выдержишь и убьешь его, да? Я ведь всегда думал, что ты храбрый парень. Ничего, теперь уже они не будут страдать от его побоев. Никто не будет», — подумал он.

Ветер усилился, заставляя деревья раскачиваться, их ветви — тереться друг о друга, а листву — шелестеть. На солнце набежало облако, и на кладбище стало сумрачно и прохладно. Беобранд снова содрогнулся.

«Я не знаю, кто убил тебя, но клянусь своей жизнью, что буду искать убийцу, — вновь пообещал юноша. — И когда я найду его, он отправится туда, где сейчас находится наш отец».

С земли поднялся в воздух ворон — вестник Вотана. Он пролетел над Беобрандом, хлопая большими крыльями на сильном ветру и громко каркая.

Юноша быстро поднялся. Он прикоснулся к подаренному Хротгаром и висящему сейчас на шее амулету в виде молота и сплюнул, чтобы отпугнуть злых духов. Ему захотелось уйти отсюда. А еще — расстаться с воспоминаниями о прошлом.

«Я отомщу за тебя, Окта, — мысленно повторил Беобранд. — Пусть боги будут мне в этом свидетелями. Или же я погибну, пытаясь за тебя отомстить».

Он повернулся и быстро пошел прочь от могилы. Пошел по направлению к Бассу, Беббанбургу и своему будущему.

* * *

Утро встретило его прохладой. Все вокруг покрыл легкий иней. Беобранду даже показалось, что он проснулся совсем не в том месте, в котором лег спать. Это было неприятное чувство, а к тому же начавшиеся в крепости приготовления сбивали его с толку. Он никогда не входил в состав королевской дружины, а потому понятия не имел о том, что его ждет. Когда он в поте лица трудился с утра до вечера на полях в Кантваре, он часто мечтал о том, чтобы стать воином, путешествующим в далекие земли и одолевающим врагов в славных сражениях. После того, как уехал Окта, Беобранд тешил себя надеждой на то, что когда-нибудь пойдет по его стопам. Беобранда вдохновляли на это рассказы Селуина, но вообще-то он не очень верил, что такое и в самом деле произойдет. Теперь же, когда его мечта сбылась, он засомневался в том, что с его стороны было разумно стремиться к ее

осуществлению.

Глядя на то, как от ноздрей лошадей в прохладный утренний воздух поднимаются облачка пара и как из-за линии горизонта выползает солнце, Беобранд задумался над тем, сумеет ли проявить себя не хуже брата. Он ведь сейчас совсем не ощущал себя воином. Его руки и плечи ужасно болели после вчерашних упражнений, и он мало что помнил из того, что показывал ему Басс. Ему не очень-то хотелось напрягаться, но, увидев, что другие люди выносят съестные припасы из склада и грузят их на телеги, запряженные волами, он подумал, что ему тоже следует в этом поучаствовать. В конце концов, уж лучше что-то таскать, чем стоять здесь, ежась от холода и чувствуя себя неловко.

Некоторые из этих людей кивнули ему, когда он к ним присоединился, но все они пребывали в весьма молчаливом настроении. Эти воины знали, что многих из них через несколько дней уже не будет в живых. При тусклом свете этого морозного утра будущее казалось им намного более мрачным, чем в тот момент, когда они сидели в зале, попивая теплую медовуху. Теперь они грузили съестные припасы на телеги и подготавливали свое оружие и доспехи к битве так, как будто совершали какой-то ритуал. Молодой воин Тондберкт даже пошутил, что все они еще толком не проснулись и движутся,

как во сне. В ответ он получил такие ледяные взгляды, что предпочел больше ничего не говорить. Наступил очень серьезный момент, и любые шуточки стали неуместны.

Когда все необходимые съестные припасы были сложены на телеги и воины собрались перед входом в главный зал, отворились двери покоев короля и из них вышел Эдвин. На нем поблескивали доспехи из отполированных металлических пластинок. На голову он надел шлем, на котором красовалась золотая эмблема в виде дикого кабана. Забрало шлема было поднято, чтобы все воины — а также глазающие на эти сборы женщины и дети — могли видеть выражение лица их господина. На боку у короля висел искусно выкованный меч, который он эффектно воткнул в стол две ночи назад. Беобранд заметил, что меч пока еще не был вложен в ножны — как и обещал король.

Рядом с Эдвином стояла его супруга — величавая Этельбурга. Ее лицо было миловидным, но суровым. Рисунок ее рта свидетельствовал о сильном характере, не уступающем характеру самого короля. Вместе с королем и королевой к народу вышли и их дети. Их сын Осфрит был таким же высоким, как и отец, и он тоже облачился в доспехи. Возле Этельбурги Беобранд заметил Энфледу. Ее волосы цвета льна были заплетены в

длинную косу. Она повернулась в сторону Беобранда, и их взгляды встретились. Она приподняла свою руку — так, как будто хотела ею помахать. Беобранд, смутившись, поспешно отвел взгляд. За королевской семьей стоял высокий худой мужчина в просторных черных одеждах. Беобранд подумал, что это, наверное, священник.

Затем дверь позади короля с треском захлопнулась, и человек, который закрыл ее, начал обходить королевскую семью сбоку. Беобранд вздрогнул, узнав массивную фигуру Басса. Встав утром и не увидев среди других воинов своего нового друга и наставника, Беобранд стал недоумевать, куда же тот подевался. Басс сейчас был одет в короткую кожаную куртку, усеянную металлическими пластинками. На плечах у него виднелся зеленый плащ, а на спине висел большой щит. В руке Басс держал шлем, а к его поясному ремню был прикреплен огромный меч. Он встал перед королевской семьей лицом к собравшейся толпе и стал осматривать шеренгу воинов, глядя каждому из них прямо в глаза. Когда он посмотрел при этом на Беобранда, тот не почувствовал в его взгляде ни малейших проявлений дружеских чувств. Наконец Басс обратился ко всем присутствующим зычным голосом.

— Зачем вы собрались здесь сегодня? — спросил он.

— Чтобы сражаться! — дружно ответили воины. Беобранд тихо повторил это за всеми, не желая показывать, что вообще-то не знал, какие слова следует сейчас говорить.

— А почему вы хотите сражаться?

— Чтобы защитить нашу землю, — ответили воины.

— Кто дал вам землю?

— Наш король.

— А кто ваш король?

— Эдвин! — громко закричали люди, и Беобранд присоединился к всеобщему крику, проникнувшись воодушевлением окружающих.

Басс подождал, пока не станет тихо.

— Значит, за кого вы будете сражаться? — спросил он.

— За Эдвина! — провозгласили воины так, что если бы битвы можно было выигрывать одним лишь криком, то они точно не потерпели бы поражения.

Когда этот ритуал закончился, Эдвин и Осфрит подошли к подготовленным для них коням и сели в седла. Эдвин повернулся к своим людям и поднял руку.

— Вперед, мои верные воины, мои гезиты⁸!

⁸ Гезиты — слой военно-служилой знати в период существования англосаксонских королевств в Британии.

Нас ждет битва, которая принесет нам славу и богатство!

Затем он повернул своего жеребца и выехал из крепости через ворота. За ним последовали его сын и те таны, которые отправлялись на битву верхом.

После этого в сторону ворот потянулись телеги. Беобранд присоединился к тем, кто шел в поход пешком.

Его ждала битва. И смерть?

Беобранд расправил плечи и постарался не отставать от тех, кто шагал впереди. Пустота в его сердце грозила вот-вот захватить его целиком. Он посмотрел в голову колонны — туда, где Басс ехал на большой гнедой кобыле рядом с Эдвином.

Он тут отнюдь не один-одинешенек. У его брата были здесь хорошие друзья.

Но и враги тоже. Враги, которые должны будут поплатиться за убийство его брата.

Беобранд не знал, что уготовил ему вирд, но умирать он пока не собирался.

3

Эдвина охватило беспокойство. Его воины шли маршем в течение восьми дней. Разведчики выяснили, что вражеское войско встало лагерем в неглубокой долине в области под названием Элмет.

Эдвин сидел на коне и смотрел на колонну

воинов, шагающих по склону холма к его вершине — то есть туда, где сейчас находился он сам вместе с танами-всадниками. Войско, которое он собрал, было внушительным: оно насчитывало несколько сотен воинов, а значит, не уступало по численности ни одному войску, которым он когда-либо командовал. Люди откликнулись на его призыв защитить свою землю. Он знал, что они откликнутся. Альдерманы⁹ и таны в сопровождении своих гезитов и отрядов простых воинов один за другим присоединялись к ополчению, которое шагало на юг по уже потрескавшимся и теперь покрытым рытвинами дорогам, оставшимся в наследство от римлян.

Однако, глядя на свое войско в данный момент, Эдвин начал сомневаться, что оно достаточно велико. Ему ведь предстоит вступить в битву с объединенными силами Пенды и Кадваллона — то есть не с одной армией, а сразу с двумя. Кроме того, командовали этими объединенными силами два самых грозных и самых толковых правителя во всем Альбионе.

Эдвин каким-то образом чувствовал, что позади него находится гигант Басс. Перед всеми остальными танами и воинами король вел себя с нарочитой самоуверенностью, заявляя, что они

⁹ Альдерман — глава местного органа управления в англосаксонском обществе.

непрерывно одержат победу и что на то есть воля Божья. Однако в общении с Бассом — преданным соратником — он не скрывал истинных чувств. В этом все равно не было смысла. Гигант Басс всегда умел безошибочно определять, в каком настроении на самом деле пребывает Эдвин. Иногда Эдвину даже казалось, что Басс способен заглянуть к нему в голову и прочесть его мысли.

— Что-то у меня дурное предчувствие насчет этой битвы, — сказал Эдвин. — Как, по-твоему, у нас есть шансы на победу?

Басс, сидевший на гнедой кобыле, отозвался не сразу: он стал обдумывать свой ответ.

Несколько лет назад они завоевали Элмет, без особого труда преодолев сопротивление местного валлийского племени. Войско этого племени представляло собой толпу косматых крестьян, среди которых было мало настоящих воинов, и для того, чтобы одержать победу над ними, Эдвину потребовалось не больше времени, чем для того, чтобы сварить в котелке яйцо. Однако сейчас сражение обещало быть куда более серьезным.

— Шансы — они всегда есть, господин, — наконец сказал Басс.

Эдвин улыбнулся. Ему, пожалуй, следовало бы предвидеть, что Басс не станет усиливать страхи короля собственными опасениями. Такое ему было несвойственно.

— А что ты думаешь насчет хода битвы? Как именно нам нужно действовать? — спросил Эдвин.

Приближались холода, и хотя этот противник представлял собой гораздо большую опасность, чем обитатели Элмета, времени на игры в кошки-мышки не оставалось. У ополчения имелось не так-то много съестных припасов, а ведь скоро начнется зима. Поэтому король решил без промедления направиться с войском туда, где располагался лагерь противника, а не пытаться занять более выгодную позицию.

Басс, поразмыслив о том положении, в котором они окажутся в Элмете, добавил:

— Это для нас не самое лучшее место, но ведь могло быть и хуже. Если разведчики говорят правду, нам придется продвигаться вверх по склону, но склон этот не очень-то крутой. Нам следует атаковать на восходе солнца, чтобы оно было у нас за спиной. Это даст нам преимущество.

— Будет ли его достаточно против объединенных сил Кадваллона и Пенды?

— Мы сильны, да и Паулин говорит, что Бог на нашей стороне.

Эдвин усмехнулся:

— Ага, Бог. Это он принесет нам победу?

Мрачное настроение короля было необоримым. Больше всего Эдвина нервировало то, что ему в предстоящей битве придется иметь дело с

Кадваллоном.

Они когда-то были друг для друга как братья. Когда Эдвин находился в изгнании при дворе короля Кадвана, он подружился с юным принцем Гвинеда, и они стали неразлучны.

Каким образом Кадваллон превратился из милого юноши, с которым Эдвин охотился и играл в горах Гвинеда, в безжалостного полководца, каким он стал сейчас? На этот вопрос у Эдвина не было ответа. Любое приграничное поселение, которое захватывал Кадваллон, ждала ужасная судьба. Мужчин в нем убивали, а женщин насиловали и затем продавали в рабство. Кадваллон зачастую убивал и детей, желая истребить весь народ англов — потомков завоевателей, прибывших сюда по Северному морю и захвативших часть земель, которые, как считал Кадваллон, по праву принадлежали только его народу, то есть валлийцам.

— Победу нам принесут прочное железо, храбрость и крепкие воины, которые сомкнут свои щиты в нерушимую стену, — ответил Басс.

— Если бы только эти двое не заключили свой нечестивый союз! Ни Кадваллон, ни Пенда не осмелились бы напасть на меня в одиночку.

— Думаю, в этом-то и главная загвоздка, — сказал Басс, насмешливо поднимая бровь. — Хотя Кадваллон ненавидит вас, нашего короля, мне

непонятно, как это он решился заключить союз с Пендой, который ведь не валлиец.

— Ответить на это нетрудно, — сказал Эдвин. — Его ненависть ко мне лично сильнее его неприязни ко всему народу англов. А Пенда заключит союз хоть с самим дьяволом, если это поможет ему заграбастать еще больше земли и богатств.

Некоторое время они молчали. Жеребец Эдвина вдруг резко повернул голову и попытался укусить кобылу Басса. Кобыла проворно отпрянула в сторону, едва не сбросив при этом Басса, который отнюдь не был искусным наездником. И Эдвин, и Басс тут же одновременно шлепнули своих лошадей по шее, а затем оба засмеялись. Однако смех этот был не очень-то веселым.

— Ну так что? Ты придумал какой-нибудь план ведения войны, мой старый друг? — спросил Эдвин после того, как лошади успокоились.

— Если два их войска можно как-то разъединить, нам стоит попытаться это сделать. Но я не знаю, хватит ли нам людей для того, чтобы прикрыть оба фланга. — Басс повернулся к Эдвину. На губах у гиганта появилась улыбка, а в глазах — блеск. — А вообще-то лучший план — просто перебить этих ублюдков!

Эдвин тоже улыбнулся, но легче у него на душе не стало.

В тот вечер они встали лагерем там, откуда уже виднелись вдалеке костры в стане противника. Постоянно увеличивавшееся ополчение уже приноровилось быстро разбивать лагерь при каждой остановке на ночлег, но этот вечер был особенным. Если раньше воины помоложе во время привала упражнялись с копьем и щитом, а затем садились возле больших костров, чтобы послушать рассказы воинов постарше о битвах и славе, то в этот вечер им не было дела ни до того, ни до другого. Они нервничали. Их боевой дух резко упал, и, чтобы подавить свой страх, они принялись пить. Медовуха и эль поглощались при этом в огромных количествах, и еще до наступления полуночи многие из воинов напились так, что, сами того не желая, уснули.

Беобранд пил в меру. Как только стемнело, Басс пришел туда, где сидели Беобранд с Тондберктом и другими молодыми воинами, и отвел его в сторону.

— Больше сегодня вечером не пей, Беобранд. Завтра мы начнем сражение на восходе солнца, и первыми погибнут те, кто сегодня пил больше других. Завтра твой ум должен оставаться трезвым.

— Да не слушай ты этого старого вояку, — усмехнулся Тондберкт, уже изрядно

захмелевший. — А то еще все подумают, глядя, как он возится с тобой, будто он — твоя мамочка.

Все остальные засмеялись. Басс сурово посмотрел на них, а затем покачал головой и пошел прочь, не желая слушать их юношеские шуточки. Однако, прежде чем уйти, он похлопал Беобранда по руке и сказал:

— Найди меня утром. Ты будешь стоять в боевом строю рядом со мной.

— Ну, давай, Бео, — сказал Тондберкт. — Тут еще полно выпивки.

Он передал Беобранду флягу, и тот отхлебнул из нее, но совсем немного. Он решил прислушаться к словам Басса и не напиваться допьяна, каким бы настойчивым ни был Тондберкт. А уж тот — видят боги — умел уговаривать так, что было трудно ему отказать. Беобранд улыбнулся и протянул флягу с медовухой обратно Тондберкту.

Пока войско Эдвина двигалось на юг, Тондберкт стал для Беобранда ближайшим другом. По вечерам они вместе упражнялись с копьем и мечтали о том, как станут великими воинами. Почти все прочие воины тоже относились к Беобранду хорошо, уже считая его своим. Они много разговаривали и шутили во время этого похода, и иногда Беобранду даже удавалось подолгу не вспоминать свое печальное прошлое.

Он медленно огляделся по сторонам,

рассматривая сидевших рядом воинов. Они все знали, что утром их ждет битва, но это их, похоже, не очень-то волновало. Однако Беобранд, решив последовать совету Басса, выпил еще совсем немного эля перед тем, как улечься спать. Заснуть оказалось не так-то просто. Ему мешал шум разговоров, однако главной причиной бессонницы было постепенно нарастающее чувство страха, от которого урчало в желудке. К страху примешивалось и волнение совсем иного рода.

Что принесет ему следующий день? Одержат ли они победу? Прославит ли он свое имя?

Окажется ли он достойным памяти Окты?

Он завернулся поплотнее в свой плащ, пытаясь защититься от ночной прохлады, но все равно продолжал дрожать. На передний план в его сознании выдвинулась одна мысль, вытеснившая все остальные.

Возможно, завтра он встретится с Октой в потустороннем мире.

* * *

Басс разбудил Беобранда на следующий день еще до рассвета. Воины вокруг них уже вовсю готовились к битве. Многие из них блевали на землю, покрывая территорию лагеря дымящимися лужицами. Басс протянул Беобранду копьё и

проверил, правильно ли он держит щит. Сам Басс облачился во все свои доспехи и в темноте напоминал гигантского воина из легенд, рассказываемых бардами.

— Возьми вот это. — Басс протянул Беобранду сакс. Он был коротким, чуть больше обычного ножа, с простенькой костяной рукояткой. Заостренный лишь с одной стороны клинок поблескивал так, как всегда блестит хорошо выкованный металл. — Он выглядит не очень внушительно, но это хороший клинок, и он долго остается острым. Когда мы подойдем к ним вплотную, ты и сам поймешь, что от этого оружия в ближнем бою больше толку, чем от копья. Этот клинок дал мне твой брат, и он мне послужил неплохо. Окте наверняка захотелось бы, чтобы он оказался у тебя.

Беобранд поблагодарил Басса, и они двинулись к краю лагеря. Там уже выстраивались в боевой порядок воины, образуя стену из щитов. Эдвин последовал совету Басса и расположил свою армию к востоку от объединенного войска мерсийцев и валлийцев, чтобы солнце светило в глаза врагам, когда воины Эдвина пойдут в атаку.

Подойдя к центру шеренги, Беобранд увидел, что там стоят Эдвин и Осфрит — облаченные в доспехи, приготовившиеся к битве и, похоже, весьма уверенные в себе. Рядом с ними стояли их

гезиты. Воины расступились и позволили Бассу и Беобранду занять свои места среди них.

Беобранд бросил взгляд вдоль шеренги. Копья смотрели своими смертоносными остриями вверх и чем-то напоминали зимние деревья, с которых опала листва. Доспехи и оружие позвякивали. Где-то засмеялся один воин. Низкорослый жилистый мужчина, стоящий слева от Беобранда, медленно водил камнем вдоль лезвия своего сакса, издавая скрежет. Все тело Беобранда задрожало. Он почувствовал, как в его груди сильно забилося сердце.

Басс спокойно сказал ему:

— Не нервничай, Беобранд. Это твоя первая битва, и тебе, конечно же, не хочется в ней погибнуть, а потому послушай меня. — Басс снял свой шлем, и Беобранд различил в полумраке шрам над его левым глазом. — Применяй то, чему я тебя научил. Если ты будешь держаться меня, с тобой все будет в порядке. И запомни: если я собью вниз один из щитов, тут же бросайся вперед и проткни копьем того ублюдка, который его держал.

Беобранд кивнул и перевел взгляд на врага. Воины Кадваллона и Пенды уже заметили, что нортумбрийцы готовятся к битве, а потому тоже стали выстраиваться в боевой порядок, образуя стену из щитов. Пока что они стояли неровной шеренгой на вершине небольшой возвышенности, и

небо за ними имело темно-фиолетовый цвет. Местность между противниками была плоской и болотистой. Примерно в центре вражеской шеренги Беобранд различил штандарт, к древку которого была прикреплена голова волка и несколько волчьих хвостов. Чуть левее он увидел еще один штандарт, украшенный человеческим черепом и поперечиной, с которой, похоже, свисали человеческие скальпы. Люди возле этих штандартов поднимали с земли копья и щиты. Они готовились к битве. Готовились убивать.

От костров, горящих позади них, поднимался дым, который смешивался со стелющимся над землей туманом.

А может, один из этих воинов, которых он сейчас видит в предрассветных сумерках, вскоре его убьет? Беобранда вдруг затошнило, и он стал дышать широко раскрытым ртом, пытаясь успокоить желудок. А еще он закрыл глаза и прислонился головой к ясеновому древку своего копья.

Перед мысленным взором Беобранда замелькали фрагменты того, что произошло с ним за последние шесть месяцев. Он увидел, как маленькое тело Эдиты, завернутое в саван, опускают в вырытую для нее могилу. Увидел, как Реда — милая Реда, — вся осунувшаяся, смотрит ему в лицо, а он тем временем вытирает ее горячий

лоб прохладной тряпкой. Она пыталась улыбаться ему даже тогда. Он увидел, как мать, лежа на набитом соломой тюфяке и обливаясь потом из-за терзающего ее жара, тянется к нему, затем сжимает его ладонь с силой, которой трудно было ожидать от умирающей.

«Не оставайся здесь, Беобранд! — прошептала она. — Здесь тебя уже ничто не держит. Я знаю, что тебе хочется уехать, хочется разыскать брата. Сын мой, ты родился для великих дел, а не для того, чтобы пахать землю». Она закрыла глаза. Ее дыхание было таким тихим, что он решил, будто ее дух уже покинул тело.

Однако затем ее глаза снова открылись, и она, собрав остатки сил, произнесла свои последние слова:

«Ты... не... сын... своего... отца...»

Что она имела в виду? Этого он никогда не узнает. Жизнь покинула ее с последним вздохом. А кости его отца сейчас лежат в обгоревших обломках их сожженного дома.

— Проснись, парень!

Сердитый голос Басса вернул Беобранда к действительности. К предстоящей битве. Битве, в которой либо убьешь ты, либо убьют тебя.

Его мечты, разделяемые Октой и поощряемые Селуином, привели его к этому моменту. Прислушавшись к словам умирающей матери, он

уехал из Хите. Перед этим произошла его последняя стычка с отцом. И теперь он, Беобранд, уже больше не был юношей-крестьянином. Он стал воином в дружине Эдвина, короля Нортумбрии.

Он бросил взгляд на Басса, и этот гигант улыбнулся ему, обнажив зубы.

* * *

Солнце еще только поднималось из-за деревьев, освещая поле битвы бледным сиянием. От нортумбрийских воинов падали на землю длинные тени.

— Внемлите мне, соотечественники! — крикнул Эдвин. — Для нас настал момент истины. Вы отозвались на мой призыв явиться в ополчение и стоите сейчас щит к щиту рядом со своими соплеменниками, чтобы оборонять землю, которая принадлежит вам по праву крови... Я — Эдвин, сын Эллы, прямого потомка Вотана. В моих венах течет кровь старых богов, да и новый Бог — Христос — на нашей стороне. Паулин благословил нас от Его имени, и я пообещал воздвигнуть в Его честь большой храм, если Он дарует нам победу... Нас сегодня не смогут одолеть. Мы вместе отправим этих язычников в преисподнюю, где им и место... Я утолю жажду своего меча кровью этих валлийцев и мерсийцев. — Он взмахнул над

головой своим красивым мечом. Клинок сверкнул в тусклом солнечном свете. — Возьмитесь за оружие вместе со мной. Применяйте его с хитростью и силой... Убейте их всех! Атакуйте их прямо сейчас и убейте их всех до последнего!

— За Эдвина! — громко рявкнуло в ответ войско, и Беобранд при этом крикнул ничуть не тише, чем те, кто стоял рядом с ним.

Воины, сохраняя образованную из щитов стену, устремились вперед, на врага. Беобранд почувствовал на бегу, что его щит то и дело бьется краем о щит воина, находящегося слева от него. Он старался бежать строго вровень с остальными и держать щит в правильном положении. Ему даже не верилось, что все это происходит на самом деле: то, о чем он когда-то мечтал, превратилось в реальность. А затем у него уже не осталось времени на то, чтобы предаваться размышлениям. Воины, окружавшие его, с грозными криками дружно метнули во врага свои дротики. Противник ответил тем же. У Беобранда не было дротика, и ему оставалось лишь смотреть на то, как это легкое метательное оружие замелькало на фоне неба. В верхней части траектории дротики с обеих сторон на мгновение смешались в одну большую тучу, а затем Беобранд увидел, как блеснул отполированный наконечник дротика, летящего по наклонной траектории прямо в него.

Беобранд, продолжая бежать, поднял щит над головой. Что-то с силой ткнулось в край щита, но сам Беобранд при этом не пострадал. Воин слева от него вскрикнул, потерял равновесие и упал. Беобранд успел на бегу заметить, как в правую ногу этого воина — чуть повыше колена — вонзился дротик. Беобранд устремил взор вперед: до врага оставались считанные шаги.

Две стены из щитов с грохотом столкнулись друг с другом — так, как сталкиваются волна и прибрежная скала. Беобранд затем отпрянул немного назад и попытался найти незащищенное место у находящегося прямо перед ним вражеского воина, но тут же понял, что совершил ошибку. Его противник — крепко сложенный рыжебородый валлиец с кожаным шлемом на голове — воспользовался тем, что Беобранд отпрянул, и резко рванулся вперед, наваливаясь на него. Беобранд потерял равновесие и шлепнулся навзничь на влажную землю. Валлийский воин, усмехнувшись тому, как легко пробил брешь во вражеской стене из щитов, замахнулся копьем, чтобы нанести смертельный удар. Беобранд поспешно попытался встать, но валлиец действовал слишком быстро для того, чтобы он успел подняться.

Однако в тот момент, когда острие копья уже устремилось к ничем не защищенной груди Беобранда, Басс резко повернулся к нему и отбил

копье валлийца в сторону ударом собственного копья с зазубренным наконечником. Его удар был таким сильным, что копье валлийца выскочило у того из рук и, не причинив никакого вреда, упало на землю рядом с Беобрандом.

Затем Басс — отработанным движением и с невероятной проворностью — вонзил свое копье в деревянный щит валлийца. Зазубренный наконечник застрял в щите, и Басс, резко надавив почти всем весом своего тела на древко копья, заставил валлийца поневоле опустить щит.

— Ну же, парень! — крикнул Басс, пытаясь удержать в руках древко копья и уклониться при этом от удара меча, который валлиец уже вытащил из ножен.

Беобранд вскочил, схватил свое копье и, издав боевой клич — который утонул в общем шуме битвы, — нанес удар по валлийцу, целясь в живот. Противник попытался отразить атаку, однако сумел поднять свой — удерживаемый копьем Басса — щит лишь так, что копье направилось в его открытое лицо. Острие копья, удар которого Беобранд усилил всем весом своего тела, чиркнуло по правой скуле валлийца и пронзило его глаз. Валлиец тут же рухнул наземь, и тяжесть его тела, увлекающего за собой копье Беобранда, заставила того потерять равновесие и повалиться сверху на содрогающегося поверженного противника.

Вокруг Беобранда раздавались крики воинов и лязг металла, похожий на звук молота, бьющего по наковальне. Беобранд попытался вытащить наконечник копья из глазницы убитого воина, но тот засел крепко. Беобранд, безуспешно дернув пару раз, затем вспомнил о саксе, который дал ему Басс. Он вытащил клинок из ножен. Рукоять сакса была очень удобной, и Беобранд, сжав ее, устремился в брешь, образовавшуюся в стене из щитов. Он только что одолел вражеского воина, сумел с ним справиться, а потому его страх перед врагом исчез, как исчезает утренняя роса под лучами солнца. Шум битвы уже не казался ему таким ошеломляющим, и он стал действовать хладнокровно.

Теперь перед ним оказался кривоzubый воин с налитыми кровью глазами, который заслонялся щитом и выглядывал из-за его верхнего края. Беобранд проворно нанес удар саксом поверх этого щита и вонзил его острие в горло врага. Басс что-то грозно кричал рядом с Беобрандом, нанося удары мечом по вражеским щитам, от которых разлетались во все стороны щепки и труха. Нортумбрийцы, сохраняя строй стены из щитов, постепенно продвигались вперед. Какой-то поверженный воин схватил Беобранда за ногу. Был ли это свой или чужой — Беобранд не знал и даже не хотел знать. Его охватил боевой пыл, и у него не было времени заботиться о раненых. Он, наступив

на пальцы этого человека и почувствовав, как они хрустнули под его ногой, выдвинул щит вперед, чтобы встретить следующего противника.

Вражеская стена из щитов раздвинулась, и перед Беобрандом появился седовласый мужчина, облаченный в красивую чешуйчатую кольчугу. Он махал обагренным кровью мечом, и перед его ногами лежало несколько трупов. Беобранд совсем не думал сейчас об угрожающих ему опасностях. Он, увидев разрыв во вражеской шеренге, сделал шаг вперед, чтобы вклиниться в него. Седовласый воин, судя по выражению его лица, удивился и даже расстроился, поняв, что к нему направляется всего лишь какой-то юноша без доспехов, с поврежденным щитом и вооруженный только коротким саксом.

Что-то в суровых чертах этого угрюмого седовласого воина охладило боевой пыл, охвативший Беобранда и заставивший его позабыть об осторожности. Он огляделся, чтобы посмотреть, где находятся Басс и другие нортумбрийцы, которые помогли бы ему справиться с этим могучим воином. Слишком поздно он заметил, что оказался отрезанным от своей стены из щитов. Ход битвы изменился, и мерсийцы с валлийцами охватили нортумбрийцев с флангов. Войско Эдвина отступило назад, к своему лагерю, оставив Беобранда одного среди врагов.

Со всех сторон его окружала смерть.

Вопли умирающих и лязг оружия сливались в чудовищный гул.

Над полем битвы уже висел зловонный запах трупов, в котором чувствовалась горечь поражения.

Хладнокровие, которое позволило Беобранду чувствовать себя уверенно на поле битвы, покинуло его так же быстро, как и появилось.

Беобранд уже вот-вот должен был вступить в схватку с седовласым воином. Его ноги стали тяжелыми и неуклюжими. К горлу подкатила тошнота. Седовласый воин устремился вниз по склону прямо к нему. Беобранд с угрожающим видом приподнял щит и сакс.

Угрюмый воин махнул мечом и без особого труда вышиб сакс из руки Беобранда. Беобранд отступил назад и попытался прикрыться щитом, но не сумел. Он совсем обессилел. Правая рука все еще дрожала после удара мечом, выбившего из нее сакс. Щит в левой руке теперь казался Беобранду непомерно тяжелым — как будто кто-то невидимый тянул его вниз.

Взглянув в суровые серые глаза противника, он в полной мере осознал, что сейчас умрет. Однако где-то внутри него вдруг вспыхнула некая искра. Если его судьба заключалась в том, чтобы умереть

именно сегодня, он по крайней мере умрет как воин, то есть сражаясь. Он не станет дрожать от страха и вопить, словно женщина.

Беобранд быстро поднял с земли оброненное кем-то копье и, выпрямившись, расправил плечи. Он не сдастся без боя. Этот старый воин пожалеет о том, что напал на Беобранда, сына Гримгунди.

Издав грозный крик, в котором прозвучал вызов самим богам, отнявшим у него так много, Беобранд бросился на врага. В спешке он слишком поздно отреагировал на то, что старый воин проворно отступил в сторону. Беобранд споткнулся и упал на четвереньки. Он попытался встать, удерживая в руке щит, но у него ничего не получилось. Этот щит из древесины липы оказался чересчур тяжелым. А он, Беобранд, — чересчур нерасторопным.

Прежде чем он смог подняться на ноги, он почувствовал, как его с силой ударили по виску.

Едва не потеряв сознание, он повалился назад, на труп кривозубого воина.

Чувствуя, что уже не может двигаться, он посмотрел на небо. В нем кружили вороны, терпеливо дожидаящиеся, когда они смогут полакомиться мертвечиной. Стоны умирающих и шум битвы становились все более громкими в ушах Беобранда, превращаясь в один сплошной гул. Серые тучи, плывущие по небу, приобрели

кровавый оттенок.

Он всячески старался не потерять сознание. Его мысли путались. Взор затуманился. Так вот какая она, смерть. Сознание Беобранда постепенно угасало.

Ему вспомнился брат Окта. Они скоро увидятся.

* * *

Беобранд пришел в себя из-за того, что кто-то громко смеялся. Нечеткие и далекие голоса пели какую-то непристойную песню. Еще дальше кто-то визжал. Он почувствовал, как на лицо льется прохладная вода. Голова болела, а еще он ощущал острую боль в груди при каждом вдохе и выдохе. Он попытался открыть глаза, но обнаружил, что левое веко его не слушается. Правым глазом он увидел, что небо темнеет и что вода, падающая ему на лицо, — это дождь.

Он не смог даже пошевелить руками. Приподняв голову, он попытался рассмотреть, что не позволяет им двигаться, и тут же понял, почему его терзает острая боль в груди. На нем лежал лицом вниз какой-то воин. Острый выступ его щита упирался в ребра Беобранда, и вес тела мертвеца давил на него. Голова воина была разбита и представляла собой месиво из засохшей крови,

костей и блеклых волос. От жуткого запаха лежащих вокруг трупов Беобранда едва не начало тошнить.

Голова закружилась, и он опустил ее обратно на землю. Покосившись в ту сторону, откуда раздавались голоса, он смог различить только силуэты людей, собравшихся возле большого костра. Рядом с костром также виднелся штандарт Пенды с головой волка и штандарт Кадваллона с человеческим черепом. Значит, Эдвин потерпел в этой битве поражение.

А он, Беобранд, остался в живых, хотя ему следовало умереть с честью. Это ведь долг воина — погибнуть вместе со своим господином. Однако сейчас идея смерти в бою казалась уже не такой возвышенной, как сегодня утром. Он ведь уже видел такую смерть собственными глазами и сам убил двух человек. Видел, как жизнь тускнеет в их глазах. Слышал громкие стоны раненых. Ощущал запах крови и внутренностей, вывалившихся из вспоротых животов. И вот сейчас он лежит здесь, перепачканный кровью — и своей собственной, и кровью других людей. Развеялись мечты, родившиеся тогда, когда он слушал рассказы Селуина и пил медовуху. В действительности же о том, с чем сталкиваются воины во время битвы, красивых песней не сложишь. Беобранд осознавал, что ему очень повезло остаться в живых и что ему

придется вести себя очень осторожно, если он хочет дожить до утра. Когда люди Пенды и Кадваллона его обнаружат, ему придет конец.

Беобранд был уверен в том, что не сможет двигаться очень быстро, — не говоря уже о том, чтобы сражаться. Он решил, что дождется темноты и затем попытается подняться. Если ему повезет, вражеские воины так увлекутся празднованием победы, что не станут искать выживших среди тел поверженных врагов.

Готовясь к тому, чтобы потихонечку улизнуть с этого поля, он начал медленно двигать руками и ногами и расслаблять мускулы, занемевшие от неподвижности. Дождь усилился, и вскоре одежда Беобранда промокла насквозь.

К тому времени, когда стало уже достаточно темно для того, чтобы передвигаться незамеченным, Беобранд уже всю дрожал от холода и не мог подавить эту дрожь. Он осторожно выполз из-под трупа, который частично скрывал его от посторонних взглядов. Боль в ребрах усилилась, и он кусал себе губы, чтобы не застонать. Теперь он лежал рядом с трупом вражеского воина на влажной земле и пытался заставить себя встать. Он осторожно прикоснулся к левому глазу, полагая, что ресницы склеились из-за застывшей на них крови. Левая сторона его головы раскалывалась от боли, а глаз заплыл, распух, и при

прикосновении к нему становилось больно. Более того, он никак не хотел открываться. Неудивительно, что его, Беобранда, приняли за мертвого и не стали трогать. Его лицо, наверное, выглядело ужасно.

Он осторожно приподнялся и сел. У него сразу же закружилась голова, а в груди он почувствовал такую острую боль, что его взор затуманился. Дыхание стало прерывистым, и ему показалось, что подняться он не сможет.

«Если я не встану, можно считать, что я уже мертв», — подумал Беобранд.

Почувствовав под ладонью влажное твердое древко копья, он схватил его. Опираясь на копьё, как на посох, он в конце концов сумел выпрямиться, но это усилие вызвало у него тошноту и новый приступ головокружения. Он постоял несколько секунд, тяжело дыша и чувствуя в темноте, как его поливает дождь. Ему было очень холодно, и он весь дрожал, стараясь, чтобы зубы не застучали. Он не имел ни малейшего представления, куда может направиться в подобном состоянии, однако было очевидно, что первым делом нужно убраться подальше от вражеского лагеря.

Он уже собрался сделать первый шаг, когда понял, что доносящиеся до него голоса стали громкими и злыми. Враги находились совсем

недалеко, и только темнота да дождь позволяли ему оставаться незамеченным. Он замер и даже попытался затаить дыхание. Голоса чуть поутихли. Беобранд теперь, однако, уже не мог определить, с какой стороны они доносятся. И тут вдруг он услышал, как люди разговаривают громким шепотом прямо рядом с ним.

— А я тебе говорю, что увидел это первым! И я придумал, что это нужно забрать! — Этот голос был сердитым, но при этом жалобным.

— Но ты уже заграбастал ту застежку для плаща. Это несправедливо, и ты это знаешь. Если бы нам не приходилось таиться, я сломал бы тебе челюсть, ты, сукин сын! — Второй голос был более зычным и мелодичным, но его обладатель, похоже, не на шутку рассвирепел.

Беобранд продолжал стоять неподвижно. Он слышал, как эти двое шептались, когда проходили мимо, но уже не смог разобрать, что они еще друг другу говорили. Когда их голоса совсем стихли, он подождал несколько секунд и затем двинулся прочь от вражеского лагеря — то есть в сторону, противоположную тому направлению, куда пошли эти двое. Он вспомнил, что эта болотистая местность переходит в вересковую пустошь всего лишь в нескольких сотнях шагов от него, там, куда, по его мнению, он сейчас шел. Ему также вспомнился лесок на вершине покрытого вереском

холма. Он решил поискать убежище среди деревьев.

Чтобы дойти до них, ему понадобилось довольно много времени. Дождь прекратился, и тучи начали рассеиваться. Холодный северный ветер ворошил вереск и листья дубов. Беобранд поначалу надеялся, что благодаря ходьбе стихнет боль в груди и прояснится сознание, но этого не произошло. Его голова кружилась при каждом шаге, а в груди возникло такое ощущение, будто кто-то вонзал ему нож между ребер при каждом вдохе. Однако он продолжал идти вперед. Становилось все холоднее, причем довольно быстро, да еще и ветер охлаждал его мокрую одежду. Если он остановится и ляжет на землю здесь, прямо посреди поля, без костра и какого-либо укрытия, он ночью наверняка замерзнет и умрет. Поэтому он шел вперед в темноте к спасительному лесу.

Среди стволов дубов и ясеней Беобранду показалось, что стало теплее. А еще ему показалось, что лес ласковым шепотом приглашает его лечь и отдохнуть. Его сознание поплыло. Беобранд подумал об Окте. Он не видел своего брата более трех лет и не увидит его, пока не попадет в потусторонний мир. Перед его мысленным взором появился четкий образ лица Окты. Брат улыбнулся и поманил Беобранда пальцем.

Затем стали появляться другие лица. Мать. Эдита. Реда. Отец. Все они уже умерли.

Он продолжал идти по лесу. Еще не затуманившаяся часть его сознания гнала его вперед, прочь от поля битвы. Прочь от смерти.

Он пытался удрать от смерти вот уже несколько месяцев. Возможно, его судьба такова, что смерть его уже вот-вот догонит.

Шагая вперед и цепляясь при этом то за один ствол, то за другой, он уже не понимал, куда направляется. Единственное, что он знал, — это то, что нельзя останавливаться.

Его мысли обратились к событиям последних нескольких дней. Он за эти дни многое узнал, завел новых друзей... А еще он многое потерял. Что произошло с Тондберктом, когда столкнулись две стены из щитов? Сумел ли Басс в этой битве остаться в живых?

Сам не осознавая, что делает, Беобранд сел на землю и прислонился спиной к узловатому стволу старого дуба. Его взор затуманился, и на него нахлынули воспоминания, от которых он еще совсем недавно пытался избавиться.

Он увидел мысленным взором дым с мелькающими в нем искрами, который поднимался в ночное небо и уносил с собой дух отца. Пламя очень быстро распространилось по сухой соломе дома. Деревянные балки стонали и охали. Жар

пламени вскоре стал таким невыносимым, что Беобранду пришлось отвернуться от пылающего строения. Он тогда повернулся спиной к нему — и к своему прошлому — и направился к берегу, чтобы найти судно, которое увезет его на север, к будущему...

Когда от боли в ранах его сознание стало погружаться в темноту, он услышал шепот матери: «Ты... не... сын... своего... отца...»

Позднее, в самый тихий и темный период ночи, рядышком прошмыгнул барсук. Он понюхал человека, свернувшегося клубком возле покрытого мхом дерева, и затем снова пошел своей дорогой.

Больше ни одно живое существо не подходило к раненому воину до самого рассвета.

5

Для Кенреда это был плохой день. Проснувшись утром, он обнаружил, что проспал и пропустил ночную молитву. Аббат Фергас в качестве наказания заставил Кенреда скрести пол часовни перед утренней молитвой. После этого в течение всего дня одна неприятность сменяла другую.

На утренней молитве он забыл слова, и аббат Фергас сердито посмотрел на него. С того времени, как Кенред осиротел два года назад, он находился в

этом монастыре — Энгельминстере. Он изо всех сил старался хорошо учиться, но отнюдь не был лучшим учеником. Аббат Фергас гораздо чаще сердито смотрел на него, чем ему, Кенреду, хотелось бы. И за этими взглядами обычно следовало суровое наказание. Сегодняшний день не стал исключением, и после утренней молитвы Фергас, ковыляя, подошел к Кенреду.

— Поразмыслишь над молитвой, слова которой забыл, когда будешь носить хворост. Ты сможешь поесть только после того, как натаскаешь сорок больших вязанок.

Кенред сумел удержаться от того, чтобы сказать в ответ что-нибудь дерзкое. Он уже знал, что такие ответы на выговоры аббата Фергаса только сделают наказание еще более суровым.

— Хорошо, отец, — покорно произнес Кенред, но когда аббат отвернулся, по щекам подростка едва не покатились слезы. У него ведь уйдет целая вечность на то, чтобы собрать так много хвороста, а он уже сильно проголодался.

Когда он отправился в лес, его настроение только ухудшилось. Шел сильный дождь, и земля порядком размокла. Вскоре и Кенред, и ослик, тянущий маленькую тележку, выпачкались в грязи. Они, тяжело дыша, с трудом продвигались вверх по склону к лесу, нависавшему над Энгельминстером.

К тому времени, когда они достигли края леса,

небо на востоке уже становилось водянисто-серым. Дождь прекратился, но тяжелые тучи все еще висели в небе. Было похоже, что снова начнется дождь — еще до того, как он закончит собирать хворост. Кенред, однако, радовался уже тому, что наконец-то наступил рассвет: ему не очень-то хотелось заходить в лес в ночной темноте. Но даже и сейчас совсем немного света пробивалось сквозь дождевые тучи, и еще меньше — сквозь листву.

Кенред засомневался. Люди рассказывали всякие истории про призраков и эльфов, которых якобы видели в лесу. Аббат Фергас говорил ему, что не следует бояться злых духов, ибо Бог присмотрит за ним и защитит. Аббату было легко так говорить: он ведь никогда не ходил в лес в одиночку, чтобы собирать хворост во время дождя.

Кенред пытался не бояться, но все равно представлял себе злобных существ, притаившихся где-то там, в лесу, где их не видно. Стволы деревьев в тусклом свете имели серый цвет, похожий на цвет мертвой плоти. Дождевая вода капала с ветвей, и звук, с которым она падала на поверхность луж, казалось, отдавался в лесу еле слышным, но жутким эхом. Кенред начал читать тихим шепотом «Отче наш». Он не мог вернуться с пустыми руками только потому, что ему тут стало страшно. Его ведь тогда подвергнут телесному наказанию — не только за то, что он не принес хворост, но и за

слабость веры.

Он стал медленно продвигаться в мрачную глубину леса по направлению к той поляне, где монахи рубили деревья на дрова и собирали хворост. После того, как он преодолел совсем небольшое расстояние, ослик вдруг резко остановился. Кенред потянул за его упряжь, но ослик почему-то отказывался идти вперед. Более того, он испуганно опустил уши, его ноздри раздувались. Кенред ласково погладил ослика по шее, пытаясь его успокоить. Однако страх, охвативший это животное, передался и самому Кенреду, и он стал нервно оглядываться по сторонам, пытаясь понять, что же так сильно напугало ослика. Ему показалось, что среди деревьев что-то блеснуло. Он подошел поближе к этому месту, затаив дыхание. Ослик, мелко дрожа, так и стоял там, где его оставил Кенред.

Когда Кенред подошел довольно близко к предмету, блеснувшему среди деревьев, он услышал какие-то звуки. Кенред остановился и, прислушавшись, различил тихий стон. Возможно, это был даже не стон, а просто приглушенное бормотание, но Кенред не мог определить этого наверняка. Он вдруг заметил, что сильно дрожит, и не сумел подавить эту дрожь. Что же это были за звуки? Наверное, это эльф налагал на него, Кенреда, проклятие или же какой-то злой дух

обращался с заклинанием к более сильным богам леса. Кенред едва не бросился наутек, когда вдруг та его часть, которой мерещились в каждой тени призраки и эльфы, проиграла схватку с той его частью, которая не могла смириться с мыслью, что он не выяснит, в чем дело. Его живое воображение проиграло ненасытному любопытству.

Все еще дрожа и приготовившись немедленно броситься наутек в том случае, если наихудшие опасения вдруг подтвердятся, Кенред выглянул из-за дерева, отделявшего его от того существа, которое издавало звуки в темноте.

Поначалу он различил в тусклом свете лишь какую-то темную глыбу у ствола одного из деревьев. Однако затем, взглядевшись, он смог рассмотреть детали. Блестящим предметом, который он заметил чуть раньше, был листообразный наконечник копья, прислоненного к дереву. Глыбой оказалось тело человека, свернувшегося клубком и прикрытого круглым щитом, выпуклость в центре которого даже в темноте казалась темным пятном. Кенреду удалось различить слова в тех звуках, которые издавал этот воин. Слова эти были бессвязными, и Кенред подумал, что человек, наверное, разговаривает во сне. Воин неожиданно вскрикнул, перевернулся на бок и замер.

Кенред невольно сплюнул, чтобы отогнать

злых духов, и лишь затем поспешно перекрестился. Ему было трудно избавиться от старых обычаев, пусть даже аббат Фергас и многократно наказывал его за языческие привычки.

Кенред стал ждать. Поскольку воин продолжал лежать неподвижно, Кенред решил подойти к нему поближе. Он сделал несколько осторожных шагов, немного опасаясь, как бы этот незнакомец не вскочил и не набросился на него. Однако чем ближе он подходил к лежащему на земле воину, тем тверже становилась его уверенность в том, что такого не произойдет. Этот человек, похоже, не просто спал — он был без сознания. Еще несколько шагов — и Кенред окончательно уверился в том, что этот воин не причинит ему никакого вреда. Дыхание у незнакомца было неглубоким и прерывистым, а его лицо выглядело как месиво из застывшей грязи и засохшей крови. Его левый глаз сильно распух, будто какая-то птица отложила яйцо в эту глазницу. На левом виске виднелась глубокая рана. Выпуклость в центре щита, которая поначалу показалась Кенреду ржавой и тусклой, была в действительности вымазана какой-то темной жидкостью, теперь уже засохшей и превратившейся в корочку. Была ли эта жидкость кровью самого воина или же кровью его врага — этого Кенред не знал.

Если не обращать внимания на щит и копье, немногое говорило о том, что этот человек является воином. Ну разве что его телосложение: он был высоким и широкоплечим. А вот его одежда — простенькая рубаха и штаны — скорее принадлежала простолюдину, а не тану.

Ослик, внезапно зашевелившись позади Кенреда, заставил его вздрогнуть. Ему нужно было принять решение, как следует поступить. Он мог побежать в монастырь и рассказать аббату Фергасу о своей находке. Это был самый простой вариант, позволявший Кенреду побыстрее покинуть это место, где ему, возможно, угрожала какая-то опасность. Однако этот незнакомец, несомненно, был тяжело ранен. Если Кенред сейчас пойдет в монастырь и оставит этого человека лежать на сырой земле, да еще и на утреннем холоде, то воину наверняка станет еще хуже. Он, возможно, даже умрет. Монах Себби умер в прошлом месяце от лихорадки, и при этом он не выглядел перед смертью так ужасно, как этот раненый воин. Однако что будет, если этот человек поправится и затем причинит обитателям монастыря какой-то вред? Кенред тяжело вздохнул. Этот незнакомец был воином и, судя по его телосложению, достаточно сильным человеком, так что он сможет причинить немало вреда, будучи живым и здоровым.

Затем Кенреду вспомнилась рассказанная Иисусом притча о самаритянине, который помог незнакомцу. Не имело значения, кто он такой, этот человек. Он нуждался в помощи, и Бог решил дать Кенреду такую возможность. Кенред, возможно, проспал и забыл слова молитвы, но в этом испытании он проявит себя хорошо.

Кенред со вновь обретенной решительностью подошел к раненому воину и попытался его поднять. Он не смог даже сдвинуть его с места, зато после нескольких попыток правый глаз воина приоткрылся. Во взгляде его чувствовались боль и отчаяние.

— Я не могу тебя поднять, — сказал Кенред, надеясь, что незнакомец поймет его слова. — Тебе придется приложить усилие.

Воин ничего не ответил, а лишь закрыл глаз и вздохнул. Кенред подумал, что он опять впал в бессознательное состояние, но несколькими мгновениями позже воин схватился за руку Кенреда.

При помощи Кенреда незнакомцу с большим трудом удалось встать. Его мучила сильная боль, и он налег Кенреду на плечо. Кенред кое-как довел его до повозки, и воин грузно повалился на нее. Силы у него, видимо, полностью иссякли, и он даже не застонал, когда Кенред принялся укладывать в повозку его ноги.

Беобранд просыпался постепенно.

В последнее время он при этом почти всегда чувствовал себя отвратительно, и сегодняшней день не стал исключением.

Он ощутил, как на лицо что-то давит. В груди он тоже испытывал какое-то стеснение, и в ней возникала боль при каждом вдохе и выдохе. Беобранд попытался открыть глаза, но понял: что-то мешает ему это сделать. Он поднес руку к лицу и нащупал влажную повязку, закрывавшую оба глаза. Когда его пальцы надавили на нее слева, левый глаз и всю голову пронзила острая боль. Беобранд осторожно попытался снять повязку, но встревоженный голос откуда-то из темноты его остановил:

— Не снимай ее! Альрик говорит, что ты ослепнешь, если сделаешь это.

Беобранд поспешно убрал руку и вытянул ее вдоль тела: ему отнюдь не хотелось стать слепым. Голос, который он только что услышал, был тоненьким, как у мальчика.

— Кто ты? И где я? — спросил Беобранд.

Из-за того, что в горле пересохло, его собственный голос прозвучал, как карканье вороны.

— Вот, выпей воды, — сказал в ответ мальчик, и Беобранд почувствовал, как его голову

приподняла чья-то рука, а в губы уперся край чаши.

Он выпил немного прохладной воды, а затем опустил голову на набитый соломой тюфяк. Во всяком случае, ему показалось, что он лежит именно на таком тюфяке.

— Спасибо, — сказал Беобранд, а затем снова спросил: — Где я?

— В Энгельминстере. Я нашел тебя в лесу — нашел скорее мертвым, чем живым. Меня зовут Кенред.

— А сколько времени я проспал?

— Три дня. Жар у тебя спал вчера, и Альрик сказал, что ты, возможно, выживешь, если будет на то воля Божья. Я молился за тебя каждый день — как велел мне это делать аббат Фергас.

Кенред, похоже, был доволен собой.

— Спасибо.

— А на чьей стороне ты был в той битве? На стороне Эдвина?

— Это и так должно быть понятно... — с сарказмом в голосе ответил Беобранд, чувствуя в теле слабость, а в душе пустоту. — Можно мне чего-нибудь поесть?

— Конечно. Извини, — пролепетал Кенред. — Я принесу тебе бульона.

Беобранд услышал, как мальчик встал, сделал несколько шагов в сторону и затем остановился.

— Как тебя зовут? — донесся до Беобранда

голос Кенреда.

— Беобранд, сын Гримгунди.

Стало тихо, а затем Беобранд услышал, как Кенред вышел из помещения.

Беобранд остался наедине с собой. Он не мог здесь осмотреться, а потому заглянул внутрь себя.

Куда он теперь отправится? Он теперь слепой? Его душу заполнило отчаяние — черное, как зимняя ночь. Почему он не умер? Жить калекой, надеясь лишь на то, что кто-то из сострадания накормит и приютит его — это ведь даже хуже, чем смерть. Ну почему Окта погиб и оставил его в этом северном королевстве одного? Беобранд вспомнил отца и пылающий дом там, в Хите. Может, он, Беобранд, своими поступками так разозлил богов, что они решили превратить его в живой труп? Неужели в этом заключается его вирд?

Он услышал, как кто-то вошел в помещение. Голос Кенреда вернул его к более насущным проблемам — в том числе и к неприятной пустоте в желудке.

Кенред помог ему приподняться и прислониться спиной к стене, возле которой он лежал на тюфяке. Боль, вызванная этими движениями, заставила Беобранда вскрикнуть.

— У тебя переломаны ребра, — пояснил Кенред, — но они плотно обмотаны и должны зажить.

После того как Беобранд просидел какое-то время неподвижно, боль прошла. Кенред поднес к нему чашу с теплым бульоном и стал кормить его с ложки.

При этом Кенред без умолку болтал. Беобранду, впрочем, даже нравилось его слушать. Голос у Кенреда был приятным и сильным, и хотя Кенред говорил обо всем с мальчишеским энтузиазмом, он отнюдь не тараторил. Беобранд чувствовал по высказываниям этого мальчика, что тот совсем не глуп, и ему нравилось, что рассказы Кенреда о причудах тех или иных монахов и прочих местных обитателей отвлекают его от собственных мрачных мыслей.

Разделавшись с бульоном, Беобранд спросил, к чему привела произошедшая в Элмете битва.

— Я мало что знаю об этом, — ответил Кенред. — Вчера сюда заглядывал один торговец. Он сказал, что вроде бы Эдвина и его сына убили. Большинство его воинов тоже погибли.

— А выжившие из нортумбрийского войска пришли сюда? — спросил Беобранд.

— Нет, только ты один.

Беобранд задался мыслью, что же произошло с его новыми друзьями. Басс казался ему непобедимым воином... Однако Эдвин тоже казался непобедимым, но, тем не менее, король пал на поле битвы. Тондберкт тоже, наверное, мертв.

Он, Беобранд, легко сошелся с этим легкомысленным парнем, но если сам Эдвин погиб в этой битве, то неужели Тондберкт сумел как-то спастись? Беобранду стало очень жаль своего приятеля, с которым они могли бы стать настоящими друзьями.

Все, о ком он когда-либо переживал или кто проявлял по отношению к нему доброту, были теперь мертвы. Его, наверное, кто-то проклял.

Мало того что перед его глазами из-за наложенной на них повязки стояла темнота — темнота угрожала проникнуть и в его душу. Его глаза под повязкой наполнились слезами, но ткань тут же впитывала их, а потому ни одна слезинка не потекла по его лицу. Он был рад тому, что Кенред не видит, как он плачет. Ему уже надоели подобные проявления слабости, но сдержаться он сейчас не мог.

— А теперь тебе нужно отдохнуть, — сказал Кенред, вставая.

Мальчик был прав. Беобранд чувствовал себя изможденным. И его тело, и его душа перенесли тяжкие страдания. Он осторожно вытянулся на тюфяке, стараясь не беспокоить ребра и левый глаз, и затем услышал, как Кенред пробормотал, что навестит его попозже.

Беобранд снова лежал на толстом тюфяке, и перед его мысленным взором мелькали, словно машущие крыльями вороны, смутные образы. Он

засомневался, что сможет уснуть: слишком много его охватило страхов и опасений. Однако некоторое время спустя его дыхание стало ритмичным, и он погрузился в сон без сновидений.

* * *

Беобранд внезапно проснулся.

Пролежав несколько секунд, он так и не понял, что его пробудило. А еще он не мог определить, ночь сейчас или день. Воздух, который он вдыхал, был холодным, а его тело занемело от долгой неподвижности. Беобранд лежал и прислушивался. До него доносились звуки поспешных шагов по деревянному настилу. А еще — встревоженный приглушенный шепот. О боги, если бы он сейчас мог видеть! Он чувствовал себя беспомощным. Слепой и слабый — как он в таком состоянии защитит себя от опасностей, угрожающих из темноты? Он приподнялся и сел, причем так быстро, как только сумел. Вдалеке какой-то мужчина что-то сердито прокричал. Залаяла собака. Послышался визг.

Этих тревожных сигналов Беобранду было вполне достаточно. Похоже, происходило что-то ужасное. Его жизни угрожала серьезная опасность. Поднеся руку к повязке на голове, он осторожно нащупал пальцами ткань, намереваясь освободить

от нее неповрежденный правый глаз. Однако не успел он сдвинуть повязку, как услышал, что в комнату кто-то вошел. Он напрягся и приготовился резко сорвать повязку. Ему хотелось хотя бы увидеть того, кто его убьет.

— Подожди! — раздался голос Кенреда. — Не снимай повязку! Ты наверняка утратишь зрение, если сделаешь это! — Кенред говорил взволнованно, но тихо, шепотом. — Я поведу тебя. Нам необходимо отсюда уйти.

— А что происходит? — спросил Беобранд. Он почувствовал, что Кенред накинул ему на плечи одеяло, которым он укрывался.

— Сюда пришли валлийцы. Если они тебя обнаружат, то убьют. Пошли, у нас нет времени.

Кенред, лихорадочно дергая Беобранда за руку, заставил его подняться на ноги.

Беобранд почувствовал головокружение. И растерянность. Боль в груди была такой обжигающей, как будто там вспыхнул огонь, а в голове что-то мощно пульсировало. Когда Беобранд выпрямился, колени у него задрожали, но Кенред помог ему удержаться на ногах, а затем потащил куда-то за собой. Страх и желание удрать отсюда побыстрее, которые охватили Кенреда, были такими сильными, что Беобранд почти ощущал их физически. Словно в подтверждение серьезности нависшей над ними опасности снова послышался

крик. Собака залаяла громче и неистовее, а затем, взвизгнув, замолчала. Кенред тащил за собой Беобранда, заставляя его шагать, и они вместе вышли из помещения.

Беобранд не имел ни малейшего понятия о том, как устроен монастырь, а потому не знал, куда его ведет Кенред. Все, что он мог сейчас сделать, — это сосредоточиться на ходьбе и пытаться не беспокоить при этом свою раздираемую острой болью грудь. Кенред, по-видимому, решил направиться туда, где они могли бы спрятаться, и старался тащить за собой Беобранда как можно быстрее. Время от времени он говорил Беобранду, что нужно пригнуть голову, или же спуститься вниз по ступенькам, или подняться вверх, но шли они в основном молча, прислушиваясь к раздававшимся в ночной темноте звукам. До них доносились крики, удары, треск древесины, вопли...

Кенред на мгновение в испуге остановился, но к нему быстро вернулась решимость, и он пошел дальше. Беобранд почувствовал кожей, что воздух стал более холодным. Звуки стали восприниматься совсем по-другому. Похоже, они с Кенредом вышли из монастыря наружу.

— Ну же, пойдём, — прошептал Кенред и зашагал быстрее.

Беобранд подумал, что сейчас уж точно потеряет равновесие или же споткнется о корень

дерева и грохнется на землю, но вирд на этот раз улыбнулся Беобранду, и ему удалось, идя за Кенредом, ни разу не упасть. Пройдя небольшое расстояние вверх по склону, Кенред велел Беобранду остановиться и присесть. Земля под ними была мягкой и сухой. В воздухе чувствовался сильный запах коры и сока растений.

— Мы внутри полого дуба, — шепотом пояснил Кенред. — Если ты будешь вести себя тихо, то, я надеюсь, они это наше убежище не найдут. Его очень трудно заметить с тропинки, а со стороны Энгельминстера входное отверстие вообще нельзя различить.

Они расположились поудобнее — насколько это было возможно — и уже больше не разговаривали, боясь, что их заметят. Из строений, которые они покинули, доносились вопли и грубый смех. Кенред принялся молча молиться о том, чтобы валлийцы их не нашли.

Долгое время спустя ветер донес до них запах дыма, и у них возникло опасение, что монастырь предали огню. Однако этот запах вскоре исчез, и им оставалось только догадываться о том, что было его источником.

Они провели весь остаток ночи внутри полого дуба, прижавшись друг к другу и не решаясь произнести ни слова. Вместе они чувствовали себя хорошо, хотя почти не были знакомы. Прошло

довольно много времени, и звуки бесчинств и насилия, доносившиеся из монастыря, стихли.

К утру Беобранд решил, что все-таки попробует сдвинуть повязку с правого глаза. Хотя Кенред сказал ему, что он в этом случае может ослепнуть, Беобранд, потрогав правый глаз сквозь повязку, выяснил, что это не вызывает ни малейшей боли (в левом же он постоянно ощущал тупую боль). Беобранду подумалось, что если он мог видеть правым глазом, когда покидал поле битвы, то теперь уж тем более сможет. Кроме того, ему не хотелось быть слепцом, ведомым за руку юным монахом, в такой день, когда его подстерегали лишь всяческие неприятные неожиданности.

Сидя в темноте в стволе огромного полого дерева, Беобранд поднес руку к повязке и осторожно потянул вверх ту ее часть, которая прикрывала правый глаз. Повязка при этом чуть сильнее надавила на левый глаз, и боль в нем на мгновение стала очень острой, но затем — такой же, как раньше. Беобранд открыл здоровый глаз. На мгновение ему — к его ужасу — показалось, что он и в самом деле ослеп, как предупреждал его Кенред, однако затем он заметил в окружающей темноте чуть более светлое пятно. Ночь еще не закончилась, но лунный свет, пробивающийся сквозь кроны деревьев, превращал отверстие в стволе дерева в нечто вроде серого пятна на черной

стене. Беобранд с облегчением вздохнул. Он не знал, сможет ли видеть правым глазом так же хорошо, как раньше, но глаз этот явно был зрячим. Осознание этого подняло его настроение намного больше, чем он мог предполагать.

Чуть позже, когда серое пятно стало светлеть, Беобранд решился произнести шепотом:

— Я могу видеть правым глазом.

Кенред при этих его словах сильно вздрогнул: он уже почти задремал, и неожиданно раздавшийся голос его испугал.

— Что? — прошептал он.

— Я могу видеть, — повторил Беобранд. — Я убрал повязку с правого глаза.

Кенред в ответ на такую бесшабашность лишь покачал головой. Этот человек мог ведь и ослепнуть на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, ему, Кенреду, будет лучше, если его спутник снова обретет способность видеть — пусть даже только одним глазом.

— Слава Господу! — прошептал Кенред. Именно такие слова произнес бы в подобном случае аббат Фергас.

* * *

Они и весь следующий день просидели внутри полого дерева. День этот был холодным и

туманным, а у них имелось только одно одеяло на двоих. Оба были одеты лишь в легкие рубахи, а потому поплотнее прижались друг к другу и обернулись этим одеялом.

Солнце медленно ползло вверх по небосклону, озаряя их убежище тусклым светом. В верхней части этой полости внутри дуба висела паутина. Когда стало уже достаточно светло, Беобранд принялся рассматривать своего спасителя. Кенред был на три-четыре года младше его, с коротко подстриженными темно-каштановыми волосами. А еще он был очень худым. Беобранд также заметил, что пальцы у Кенреда длинные, тонкие и вымазаны чем-то темным. Беобранд почувствовал облегчение от осознания того, что он способен видеть такие подробности. Что бы ни случилось с его вторым глазом, ему, Беобранду, уже не придется стать слепцом.

Поскольку не было слышно, чтобы кто-то приближался к полому дубу, Беобранд снова рискнул заговорить, хотя и шепотом:

— А что это за место? Ты говорил, оно называется Энгельминстер? Это что еще за название?

Кенред снова вздрогнул, услышав голос Беобранда.

— Это монастырь, — ответил он. — Аббат Фергас назвал его в честь ангела, увиденного в

здании, которое затем превратил в часовню.

Эти слова мало о чем сказали Беобранду.

— А что такое монастырь? — спросил он.

— Это место, в котором живут монахи. Святые люди. Я — послушник, готовлюсь стать монахом. Я изучаю все то, что связано с единственным истинным Богом и Его сыном Христом. Я учу молитвы, а еще учусь читать и писать.

Молитвы, буквы — это все казалось Беобранду очень скучным. В Хите тоже жил проповедник Христа. Он был мрачным и унылым человеком, который все время говорил о самопожертвовании, о любви и о том, что, получив пощечину, нужно подставлять вторую щеку. Хотя люди и ходили на проповеди этого священника возле недавно воздвигнутого в их деревне креста, большинство из них тайком молились старым богам. Они носили амулеты в виде молота Тунора, делали во время пиров жертвоприношения Вотану медовухой и мясом и хоронили мертвецов в полях, чтобы Фригг¹⁰ принесла им изобилие.

— А как получилось так, что ты стал изучать все то, что связано с богами?

— Не с богами, а с одним-единственным

¹⁰ Фригг — богиня в германской и скандинавской мифологии, жена Вотана.

истинным Богом. Аббат Фергас говорит, что никаких других богов нет. — Кенред улыбнулся. — Я знаю, что понять это трудно.

Беобранд отнюдь не считал, что это трудно. Он полагал, что это просто какие-то глупости. С его точки зрения, на земле было вполне достаточно людей для того, чтобы все боги получили свою долю поклонников.

— Я пришел сюда два года назад, — сказал Кенред. — Аббат Фергас нашел нас в Эофервике.

Беобранду даже в полумраке было видно, что выражение лица Кенреда стало напряженным.

— Нашел кого?

— Меня и мою сестру. Мы были с ней совсем одни. Он дал нам новую жизнь. — Кенред провел рукой по волосам. — А ты? У тебя есть родственники?

— Были, — ответил Беобранд. — Но их уже нет. Я теперь тоже совсем один.

Беобранд прикусил губу.

— Нет, теперь ты не один, — усмехнулся Кенред, и его зубы блеснули в полумраке.

Беобранд выдавил из себя улыбку, но внутри ощущал пустоту и одиночество.

Около полудня они услышали, как в монастыре поднялась какая-то суета: сквозь туман до них донеслись смех, разговоры, ржание лошадей, скрип телег, на которые что-то грузили.

Когда валлийцы наконец покинули монастырь, они тронулись в путь как раз в том направлении, где находилось полое дерево. Беобранд испугался, как бы они не обнаружили их с Кенредом здесь, в этом убежище. Кенред закрыл глаза и сложил ладони вместе. Беобранд был уверен, что этот юнец стал молиться своему Богу и умолять его сделать их невидимыми для воинов.

Отряд валлийцев прошел буквально на расстоянии вытянутой руки от отверстия в полом дереве. Беобранд с Кенредом даже почувствовали запах пота этих воинов, но никто из валлийцев не повернул голову в их сторону и не посмотрел на них. Спустя некоторое время после того, как все валлийцы прошли мимо, Беобранд и Кенред с облегчением вздохнули.

Они на всякий случай еще посидели внутри дуба и лишь затем рискнули вылезти наружу. Руки и ноги у них занемели, и им обоим очень хотелось есть. Беобранду было трудно стоять, а потому ему пришлось ухватиться за ствол дерева. Из всех сил пытаясь удержаться на ногах, он тяжело дышал. Его грудь снова пронзила острая боль, а из-за пульсации в голове он чувствовал головокружение.

Когда Беобранд наконец понял, что в состоянии идти, он обхватил Кенреда за плечи, и юный послушник повел его обратно в Энгельминстер. Туман уже рассеялся, но все еще

было холодно и влажно. Звуки их шагов по толстому ковру из влажных листьев в этом лесу казались неестественно громкими.

Подойдя к границе леса, Беобранд бросил взгляд на монастырь. Тот состоял из большого главного здания, окруженного несколькими постройками поменьше. Располагался монастырь на изгибе маленькой реки. Оба довольно крутых берега заросли деревьями. Все строения монастыря — кроме одного — были деревянными, с соломенной крышей. Исключением являлось главное здание со стенами, частично сложенными из камней. Камни эти были аккуратно обтесаны и скреплены при помощи известкового раствора. Верхняя граница каменной кладки доходила человеку до пояса. Выше стены были изготовлены из переплетенных друг с другом прутьев, соломы и глины. Всю эту конструкцию увенчивала соломенная — цвета золота — крыша, один угол которой теперь был обугленным и почерневшим.

Беобранд и Кенред, прежде чем выйти из леса и направиться непосредственно к монастырю, постояли и понаблюдали. В монастыре не было заметно никакого движения. Ни звуков, ни даже дымка от какого-нибудь очага. Беобранд с Кенредом молчали. Они с ужасом думали о том, что увидят, когда, набравшись мужества, наконец зайдут в помещения монастыря. Кенред задрожал

всем телом. Беобранд еще крепче обхватил его за плечи, тем самым как бы подбадривая и его, и самого себя.

Первым делом они направились к главному зданию. Возле входа они увидели то, что на первый взгляд показалось им скомканной меховой накидкой, которую кто-то бросил прямо на землю. Когда они подошли поближе, Беобранд увидел, что это маленькая собака. Она была разрублена почти пополам. Кенред что-то пробормотал себе под нос. Беобранд, не расслышав, что произнес его спутник, но ему подумалось, что это была, наверное, кличка собаки. Он покосился на Кенреда. У того по гладким щекам потекли слезы, оставляя на чумазой коже блестящие соленые следы. Беобранд отвел взгляд и снова посмотрел на здание, к которому они подошли. Угол его соломенной крыши, похоже, пытались подпалить, а часть перемычки двери была черной и потрескавшейся. Сырая погода спасла это здание, и валлийцы, по-видимому, потеряли интерес к тому, чтобы его сжечь, когда осознали, что сделать это без особого труда у них не получится.

Беобранд и Кенред осторожно вошли в здание, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте. Внутри было тихо, как возле могильного холмика. Когда их глаза привыкли к тусклому свету, они различили чей-то силуэт на алтаре в дальней части